Г 874(с183)

А.М.ГРОМОВ

МЕСТНАЯ

ВЕЛИКИЙ КАНУН

Сцены Октябрьск. Революции

1923

Издание газеты „Вив. Труд"

ISO 9/10.

Ценный
фонд

А. М. ГРОМОВ.

Г 874(с183
вк

6

ВЕЛИКИЙ КАНУН.

Сцены Октябрьской Революции.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. Пушкина
№

г. Омск.
Типо-литогр. Сибопса.
1923.

150910.

Г. Л. № 13. Зарег. в Ом. Отд. Сибгос. № 12. 9 янв. 1923.
3000 экз.

Октябрьские дни в Москве.

До октябрьских дней 1917 года, Москва, в сущности, не видала революционной уличной борьбы.

Всю тяжесть февральской революции вынес на своих плечах Петроград, а в Москве в те дни, можно сказать, происходило лишь празднование революции, поэтому в смысле революционного настроения Москва сильно отстала от Петрограда..

И в октябрьские дни толчек к борьбе был дан питерскими событиями.

Октябрьская революция в Петрограде протекла, относительно, быстро и безболезненно, в Москве же дни борьбы, с ожесточившейся буржуазией, затянулись и осложнились...

Организованных сил в Москве, казалось было очень мало.

В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большевики преобладали, благодаря лишь перевесу числа рабочих над числом солдат

Солдатская масса как будто была в большинстве, налажена хорошо, но она была дезорганизована и безоружна.

В руках же контр-революционеров имелось оружие и организованные юнкерские части.

Тем не менее действовать было необходимо, чтобы поддержать Петроград.

В большевистской газете „Социал-Демократ" от 26 октября появилось подробное сообщение о том, что произошло в Питере. В передовой статье говорилось между прочим:

—„... Наступили решительные дни .. петербургские рабочие и солдаты разбили противника, но это только первый шаг гражданской войны, ибо буржуазия не уступит без боя. Она всюду попытается выступить против рабочих с оружием".

В этом смысле, в газете были напечатаны особые воззвания к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим.

В соединенном заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов был избран Военно-Революционный Комитет.

Меньшевики и об'единенцы вошли в комитет.

— Но не для борьбы в рядах пролетариата, — как они заявили, а затем, чтобы отстаивать замену Революционного Комитета „общедемократическим органом".

Эс-еры отказались участвовать в голосовании.

В состав комитета вошли:

— От большевиков—Усиевич, Муралов, Ломов и Смирнов.

— От меньшевиков Тейтельбаум и Николаев.

— От об'единенцев—Константинов.

В пятницу 27 октября в „Известиях" было напечатано об'явление Военно-Революц. Комитета следующего содержания:

— Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции временным правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов изобрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет об'являет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжение, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат".

Но ясно, что при таком составе Воен —Рев. Комитет не мог быть особенно деятелен—в виду присутствия в нем меньшевиков, которые не переставали заявлять:

— ... „Что во всяком случае они не будут потворствовать захвату власти советами, и что постараются изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма „большевистских вождей".

Очевидно в расчете на пестрый состав комитета, командующий войсками полковник Рябцев, и предъявил ультиматум:

— Немедленно упразднить Воен.-Рев. Комитет и вывести из Кремля большевистский караул, а также возвратить взятое из Арсенала оружие. Эсеры и буржуазия в противовес Военно-Революц. Комитету организовали Комитет общественной безопасности.

28 октября меньшевики вышли из состава Воен. Революц. Комитета, агитируя на страницах своей газеты против большевиков.

Рябцев же не дремал и деятельно готовился к борьбе.

Он стянул к центру юнкеров и казаков. К казакам присоединились белогвардейцы, и преимущественно студенты и гимназисты, а также и офицерство. Все эти господа проявляли зверское настроение.

Кремль находился в руках большевистского 56-го полка, под командой уполномочен. Воен.-Рев.-Комитета прапорщика Берзина.

Рябцов вошел в переговоры с Берзиным и уверив его о ликвидации Воен.-Рев -Комитета и революционного движения в городе, предложил сдат Кремль, и сдав оружие оставить Кремль при чем „своим честным словом" гарантировал полную неприкосновенность солдатам.

Берзин, не имея связи с руководящим центром, отказался от борьбы и сдал Кремль.

После того, как было сдано оружие, 56 полк был выстроен на Сенатской площади в Кремле, и почти весь расстрелян юнкерами из нескольких пулеметов.

Этот беспримерный по своей жестокости расстрел обезоруженных солдат может быть сравнен лишь с расстрелом парижских коммунаров в 1871 г. озверевшей буржуазией.

О захвате Кремля, контр-революционеры кричали, как о победе и чуть ли не о разгроме большевиков ..

Весь центр города, кроме части Тверской ул. был в руках юнкеров. В их же руках—вокзалы, трамвайная станция, телефон, телеграф, почта, таким образом Воен. Рев. Комитет сразу оказался отрезанным от районов, и районы плохо связанные между собой вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы, не зная, что делается в центре

Юнкерские броневики появлялись на самой Скобелевской площади (ныне Советской) перед зданием Совета—были моменты, когда казалось, что центру только и остается бежать.

Это, разумеется, отражалось на настроении членов Воен. Рев Комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и уступкам.

Совсем иное наступление наблюдалось в районах. Правда в первый день борьбы 27-го октября замечалась вялость.

Заводы работали, так как Воен.-Рев. Комитет сделал крупную ошибку, не призвав к всеобщей забастовке.

Солдаты неохотно выступали из казарм ..

В красную гвардию записывалась лишь рабочая молодежь, да и для той нехватало оружия.

Но 28-го фабрики и заводы стали. Рабочие кварталы оживились.

Юнкеров стали теснить от окраин к центру, и быстро создалось твердое настроение.

Поэтому когда Воен. Рев. Комитет заключил 29-го вечером перемирие с контр-революционерами—районы остались недовольны—но перемирие спустя несколько часов после подписания условий, было нарушено юнкерами и бой вспыхнул

с новой силой-началася артиллерийский обстрел Думы, Кремля и других контр-раволюционных очагов.

Положение контр—революционеров становилось с каждым днем все безнадежнее.

2-го ноября председатель комитета Обществ. Безопасности Руднев обратился к Воен.-Рев.—Комитету с предложением сообщит его условие о прекращении военных действий.

Воен.—Рев.—Комитет предложение принял.

Были выработаны условия. и того же 2 ноября в 9 часов вечера за подписью Усиевича был издан „приказ всем войскам Воен.-Рев.—Комитета".

„Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши ребования. Вся власть в руках Военно-Революц. Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. Воен.—Рев.-Комитет приказывает прекратить всякие действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь) С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Воен.—Рев.—Комитета.

Приказ этот и, вообще, весть о договоре с юнкерами, произвели в районах очень неприятное впечатление.

В газете "Социал Демократ" от 4 ноября (№ 200) был напечатан „Протест Красной гвардии".

В протесте между прочим сказано:

„Освобождая юнкеров от ареста В.—Р.—Комитет дает им возможность снова восстать против народа". Мы... требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были переданы властному революционному суду".

Для этого требования было достаточно оснований.

Сдавая оружие и прощаясь друг с другом перед разъездом из Москвы, юнкера не стесняясь говорили:

— Через месяц встретимся на Дону.

Так оно и вышло..

Теперь мы знаем, сколько было пролито крови рабочих и крестьян в борьбе, с этими контр-революционерами на юге после октябрьских дней...

Октябрьскими днями Москва была крещена в революцию. И что самое важное, это небывало резкое, наглядное расслоение в эти дни на линии, отделяющей буржуазные и полубуржуазные слои от пролетариата и крестьян (солдат): октябрьские дни в Москве прояснили классовое сознание, так как не смогли бы прояснить его десятки лет пропаганды и агитации....

Рабоча Москва раздавила буржуазные банды. Победа рабочей Москвы определила исход октябрьской революции. Власть рабочих и крестьян повсюду торжествовала...

20-го октября 1922 года в аудиториях истории по проведению октябрьских торжеств при Ом. Губкоме, была заслушана новая пьеса А М Громова „Великий Канун". Пьеса единогласно принята к постановке в Омских театрах и клубах 7-го ноября.

(Из газет).

Сцена 1-ая:

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Сцена 2 ая:

БУРЖУАЗИЯ.

Сцена 3 ья:

В стане белогвардейцев.

Сцена 4-ая:

В Рабочем квартале.

Сцена 5-ая:

У БОЛЬШЕВИКОВ.

Дни Октябрьской Революции в Москве.

Сцена первая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Действующие лица в I сцене:

Берзин—Начальник Гарнизона Кремля, назначенный Военно-Революционным Комитетом.

Председатель Полков. Комитета (56-го полка, расположенного в Кремле).

1 }
2 } Председатели рот. комитетов (56-го полка).
3 }

Писарь.

1 }
2 } Офицеры.

Генерал

Солдаты.

Юнкера.

Офицеры.

Небольшая комната в Кремлевском Арсенале. Сводчатый потолок. Обстановка сухая, казарменная.

Направо—простой стол заваленный бумагами, вокруг него несколько табуреток; далее за ними, почти в углу входная дверь. Прямо в стене три окна, в которые виднеется часть Кремлевской стены и башня.

У левой стены другой стол, на нем тоже ворох бумаги и остатки ужина.

На стене телефон.

Утро 28-го октября... Серый рассвет заглядывает в окна и борется с мигающим желтым пламенем, оплывших свечей, которые стоят на столе у правой стены...

При открытии занавеса направо, за столом сидит обхватив руками голову прапорщик Берзин, назначенный 26-го октября Военно-Революц. Комитетом Начальником Кремлевского Гарнизона.

У входной двери опершись на винтовки дремлют два часовых.

За столом налево сидит писарь.

Председатель Полкового Комитета 56 полка (*входит в комнату. Часовые встрепенувшись от дремоты, взглянув на него молча пропускают*).

— Тов Комиссар вы спите?..

Берзин. (*вздрагивая*) Какой тут сон!..

Председатель. Весь Кремль уже оцеплен юнкерами. В четыре утра сняли нашу охрану у ворот... Мы отрезаны от города...

Берзин. (*Устало*) Знаю...

Председатель. Что же вы думаете делать?... Солдаты измотаны....Нервничают....Рвутся в бой, только прикажите?...

Берзин. (*Встает и начинает нервно шагать по комнате*). Не могу!.. Не могу... Я не знаю, что делается в городе... Не знаю, что в нашем Военно Революционном Комитете...У меня нет связи с ним—с четырех часов. Станция не соединяет меня с Смольным. Пользуя паролями—никого не пускают...

Председатель. Рабочие постараются сукины сыны..!

(Пауза).

Берзин. Ну прикажу?.. А какой толк?!.. Все равно не прорваться...Напрасная бойня...Напрасно прольется кровь...Силы тоже не выдержать....—А, арестовать их где?...

Председатель. У ворот наготове...

Берзин. Ну, вот видите!...

(Пауза).

Может быть возможен еще какой нибудь мирный выход... Может быть как нибудь договоримся...

Председатель. Сомневаюсь...

(В комнату входят два офицера).

Офицер 1-й. (*Берзину*). Вы прапорщик Берзин?

Берзин. Я. Что Вам угодно?

Офицер 2 й. Мы присланы к вам командующим войсками, полковником Рябцевым...

Берзин. В чем дело?..

Офицер 1 й. Командующий войсками приказал вам передать, что в настоящее время вся Москва в его руках.... Весь взбунтовавшийся гарнизон сдался и обезоружен в том числе и 1 ая Артиллерийская бригада..

Берзин. (*Глухо*). Когда это произошло?

Офицер 2 й. В течении минувшей ночи. Вы вероятно, слышали орудийную и пулеметную стрельбу...

Берзин. Да, слышал...

Офицер 1 й. Это происходила ликвидация бунта... Почта, телеграф, телефон и вокзалы в наших руках...

Берзин. Так в чем же дело?... Я не понимаю...

Офицер 1 й. В нашем распоряжении 56 й полк, который до сих пор нес охрану Арсенала и Кремля... Чтобы избежать напрасного столкновения и кровопролития... Солдаты должны сдать оружие и Командующий Войсками обеспечивает полную неприкосновенность личности и свободу солдатам!..

Берзин. Без постановления Военно Революционного Комитета, я не могу вам ничего сказать....

Офицер 2 й. (*Рассмеялся*) Военно Революционного Комитета более не существует — Вы вероятно, известно что командующий войсками еще 26 го предъявил Совету ультиматум о немедленном упразднении Комитета... Еще вчера он был упразднен!...

Берзин. (*Горячо*). Это ложь!..

Офицер 1 й. (*Строго*). Господин прапорщик!...

Берзин. Не верю этому!.. Вчера вечером был здесь, в Кремле уполномоченный Комитета тов. Ярославский и еще сегодня до четырех часов ночи я имел телефонную связь с Комитетом...

Офицер 1 й. (*Пожимает плечами*), В конце концов вам необязательно верить мне на слово!... Извольте выслушать приказ Командующего...

Берзин. Ну?...

Офицер 1-й. Командующий Войсками требует немедленного и безусловного подчинения. Требует немедленной сдачи Кремля. В противном случае начнется обстрел Кремля из орудий...

(Большая пауза).

(Берзин молча начинает ходить по комнате. Потом отходит Председатель полков Комитета в сторону. Офицеры насмешливо следят за ними).

Берзин. (*Вполголоса*). Ну, что же делать?....

Председатель. Решайте вы....

Берзин. Скажите, я первый, тут вы или нет? (*кивает головой в сторону офицеров*) говорите? Вместе обсудив... И со взятые в городе... Я со связи с Совом. Сов. все видят в нашем мире... Потом разве мы можем противиться силе (двою 56 полк?...

Председатель. Да... Трудно....Не я бы не согласился...

(Пауза).

Берзин. (*Подходит к офицерам*). У меня нет выхода...Я сдам Кремль.

(Офицеры улыбаясь переглянулись).

Офицер 1-й (*Вынимает часы*). В распоряжении у нас, по данным сведениям Троцкого и Муравьева, у нас осталось 5 минут времени. В этом случае...

Затем немедленно снять всюду караулы и все посты... Далее 56 й полк немедленно же должен сложить оружие и выстроиться у памятника Александра II-го.

Берзин. Хорошо....

(Офицеры уходят).

Берзин. *(Председателю).* Вы слышали товар. Председатель? Пойдите в зал и передайте мой приказ, чтобы немедленно сложили оружие.

(Председатель полкового комитета уходит, пожимая плечами).

(Пауза).

(Берзин садится и пишет приказ о снятии постов и караулов)

Берзин. *(Будит писаря).* Вот новый приказ о моем распоряжении открыть Троицкие Боровицкие ворота... Нет... сначала снимите все посты и караулы...

Писарь. Слушаю... *(Уходит).*

Берзин. *(Часовым),* Идите в казармы!

(Часовые уходят).

(Большая пауза).

(Доносится смутный бестолковый говор, шум, выкрики.... Шум приближается... Уже отчетливо слышатся отдельные слова,: „измена!".. „товарищи, не сдавайте оружия!... Нас продали?". Потом крики смолкают. Доносится лишь сдержанный рокот массы голосов. Берзин прислонился к косяку в напряжении слушает. В комнату входят: Председатель Полк. Комнта и Восемь председателей Ротных Комитетов. У всех в руках винтовки. Лица разгорячены, глаза горят).

Председатель Роты. Комит. 1-й. (*Задыхаясь*) Товарищ, комиссар... Правда ли... Сдаемся!?.

Все (*одновременно*). Неужто правда?! Нельзя!.. Оружие не сдадим!.. Отчизна зрима!.. Лучше погибнем... Все равно погибать!..

Берзин. Товарищи успокойтесь! . Не говорите все разом...

(Пауза).

Рябцов пред'явил мне ультиматум...

Председатель Роты. Комитета 2-й Слышали... Наплевать нам на его ультиматум!... А мы вот что заявляем что —Кремля не сдадим!...

Берзин. Товарищи, поверьте мне, что если бы была малейшая возможность не сдаваться, я бы никогда не сдался... Ну, не сдадим, так разве долго мы выдержим осаду? А что будет потом?.. В то время безвыходное... Выйдя из отряда, мы принесем пользу там, в городе, нашим товарищам...

Председ. Роты. Комитета 3-й. Бросьте говорить глупости тов, Комиссар мы не сложим оружия и не выйдем из Кремля!

Берзин. Да поймите же, что юнкера в Кремле очутятся в живушке!... Мы не выпустим ни одного отсюда! Кремль будет их могилой!...

Все (*одновременно*). Нечего разговаривать!... Не сдадим! Пусть, товарищ!... Конечно, ружей нет... Что-нибудь придумать! Победа за нами!

Берзин. (*Горячась ударяет по столу кулаком*) Стой!.. Я разговариваю с вами, или нет?.. Теперь буду разговаривать, как старший, поставленный над вами Военно-Революционным Комитетом!...

(Опять начинается говор).

Молчать!.. Приказываю вам немедленно сдать оружие и выстроиться у памятника Александру II.... Я отвечаю за свои распоряжения перед Военно-Рев. Комит.

Председатель Роты. Комитет 1-й (*Бросаясь на Берзина с поднятой винтовкой, истерически вскрикивает*). Молчать!.. Предатель Революции!...

Берзин. (*Выпрямляясь*). Ружье!...

(Пауза).

Ну, что же.... Выбрали?! Ружье!..

(Пауза. Солдат опускает винтовку и отворачивается. Все мрачно потупили головы).

Берзин. (*Тихо*). Товарищи, если вы действительно не желаете, чтобы мы пришли, уйдите сейчас же и всему айда так, как они хотят сделать... Я понимаю, что вы не хотите. Ваше дело, сдавать ружье.. Но что же делать?.. Выхода нет!.. И пока, я снимаю с себя

сорвать... Рабочая собственность личности и свободу... Прошу вас, товарищи, послушать меня... (*смотрит на часы*) И надо спешить. Пустому стулу ждет...

(Пауза).

Председ. Полков. Комитета. (*Берзину*). Хорошо. Мы согласимся вашему приказу! Пусть будет по вашему. Идите товарищ.

(Все молча выходят. Опять слышится многоголосный рокот, потом все постепенно стихает).

(Большая пауза).

(Входит писарь).

Писарь. Посты сняты... Ворота открыты... Юнкера уже входят в Кремль с винтовками...

Берзин. Что нет?..

Писарь. Нигде сдавать оружие...

(Входят два офицера и генерал. Останавливаются у дверей: сзади их несколько юнкеров с винтовками).

Офицер 1-й. Вот Ваше превосходительство, большевик Берзин.

Генерал. Гм... Э-э... и вам не стыдно?!.. да... говорить с ними... Э-э... иконы?!.

(Берзин нахмурил брови, рука потянулась к кабуре с револьвером).

Офицеры. (*Бросаясь к нему с револьверами в руках*). Не двигаться!... Ни с места!... (*То-*

ронливо выхватывают его револьвер из кобуры и отстегивают шашку).

Генерал. Уничтожить! ... Истор...зать! ... Мер.р.завец!... Вольтфик... (*Подходит к Берлину и срывает с него погоны*). Мерзавец!... Ты не достоен носить их!...

Берлин. Прошу...

Генерал. Молчать!..

Берлин. (*Офицеру*) Вы передали условие командующего... Его слово... Неприкосновенность...

Офицер (*Хохоча*) Ты шантажник, дурак!...

Генерал. Данное слово исполняют перед порядочными людьми. Эе.. людьми... а... не эе... не перед... перрргаицами!..

Берлин. Подлецы!..

(Офицеры подскакивают к Берлину и схватывают его за горло).

Офицер. Ты сволочь лучше не пикни!.. А то сию же минуту пригвоздим!.. Марш вон туда!... И смотри не шелохнись!... (*Толкают его в угол на скамью*)

(Писарь, дрожащий от страха, все время стоит на вытяжку).

Офицер 2-ой. Этот тоже... Большевистская тля! . Марш отсюда... В казармы!..

(В комнату вдруг врывается трескотня пулемета. Потом какие то далекие отчаянные крики).

Офицер 1-й. Пойду взгляну... (*Уходит*).

Генерал. (*Берзину*) Эх... это... это взять что?.. с, с?.. в.з... это тех большевиков... хо...но...ч..ито... простит!...

Берзин. (*Вскрикивает*) Где же слово?!.. (*хватается за голову*).

Офицер 2-й. Молчать каторжное!...

(Берзин в отчаянии закрывает лицо руками. Пулеметы продолжают трещать. Генерал садится за стол Берзина Рассматривает бумаги. Офицер помогает. Немного спустя один за другим раздаются три орудийных выстрела... После орудийных выстрелов, пулеметов не слышно, но доносится смутный вой, будто нечеловеческих голосов).

Генерал. К..к.. Стой!..х..Революционеры!.. хо ге.. К суд!..в плен!.. М..м.. новичок, пять выш... р..вол..ь!.. В дверь его сюда!.. (*топочет ногой и ударяет кулаком по столу*).. С хочи!..

Офицер. Вы забыть то, что он парламентер!

Генерал. Эх.. что? (*читает*) Х..хо.. ге..м..Ш..ге!..М.. Г..ген .. Р..рам!.. Ма..ще!

(Входит офицер).

Офицер. (*Смеется*). Н.. и хитер.. ваше пр..во-ро.. ство!... Вы им уже...

Генерал. Эх... Что?...

Офицер. Вчерашнего по п[illegible] Сергеевой... сидит 16-го... Он сидит, ровно [illegible]...

Генерал. Э)... [illegible] суда?..

Офицер. Разумеется... [illegible]... Ну с, и вот что он [illegible], [illegible], говорит дорога... А тут [illegible]... на П... [illegible] выехать не будет с [illegible]... [illegible] лись он!... а! а! а!... [illegible] тороват... Знает... [illegible]... [illegible] увидать... А уж [illegible]!.. [illegible] Старый од у м[illegible] [illegible] тут... [illegible]! а! а! а!... Дорога то узкая, тут [illegible] идет... [illegible] обрывалась [illegible] и гора [illegible]... Ну с, в эту пору то [illegible] и [illegible] [illegible] мне... В ухо!.. Так бесчувственный [illegible] кулаком.. х! х! х! [illegible]...

Генерал. Х! х! х! [illegible]...

(Офицеры смеются).

(З А Н А Д Е С).

Сцена вторая

БУРЖУАЗИЯ.

Действующие лица во 2 сцене:

Сомов—домовладелец.
Чиновник.
Врач.
Барышня.
Артистка.
Студент.
Генерал—в отставке.
Адвокат.
Дама.
Прапорщик.
Юнкера.
Поэт.
Федоров—[illegible].
Федорова—[illegible].
Рунова—[illegible].
Свирский—[illegible].

Сцена представляет собой внутренний под'езд большого дома. Прямо высокие глухие двери. Направо широкая лестница. Налево окно во двор. У одной из стен большое трюмо, стоят несколько стульев и столик. Телефон.

Дом этот гуого квселон. Тут живет буржуазия всех рангсв и типов и ее многочисленные представители, так называемых свободных профессий от врачей, адвокатов, инженеров, до артистов, писателей и проституток включительно. Дом—типичный, уголок старой Москвы. Дни Октябрьской революции выбили из душевного равновесия обитателей дома.

Под'езд дома до некоторой степени стал общей гостиной. Обитатели дома подобно испуганным кротам выползают в эту гостиную.

При поднятии занавеса, у входной двери сидят дежурный член домового комитета, сам домовладелец купец Сомов. Его обтатая шуба перетянута ремнем, на котором болтается кобура с револьвером, а в руках винтовка.

Перед трюмо—артистка кокетливо поправляет прическу. У телефона барышня и студент. На ступеньках лестницы сидит чиновник, у столика врач с книгой.

Смутно доносятся отдельные выстрелы и трескотня пулеметов то вспыхивает, то замолкает. От времени до времени ухают орудия.

Барышня (*говорит по телефону*). Что?.. Что?.. Не может быть!.. Ах, какой ужас! Я бы не стала смотреть... Я трусиха... Да, конечно... потом вся кровь!.. Фу... Нет!.. Нет... В спокойствие?.. Ну, и что же?.. Нет, это ужасно... видеть как это совершается... Да?.. и женщину?.. Не знаю... Может быть это и нужно... но я не могу... Не хочу понять!.. Это гадость!.. Вы же сей, как ты могла только смотреть!.. Да, но вообще... ужас... ужас!.. хорошо, звоните... (*вешает телефонную трубку*).

Артистка. Вы что-то интересное узнали?..

Врач (*отрываясь от книги*). А, говорили телефонная станция взята...

Барышня. (*Артистке*). Она рассказала мне о расстреле на Кудринской площади. Дом, где она живет, выходит на площадь...

Студент. Кто, кого?.

Барышня. Юнкера большевиков... Час тому назад...

Чиновник. Ну ка, расскажите!

Врач (*закрывая книгу*). Это куда интереснее романа!..

Артистка. Не то, что наш дом... Ничего не увидишь... Скучища!..

Студент. Ну, так чтожо рассказала ваша знакомая...

Барышня. На порт дня, стоящего на углу Ни-кольской и Бурдинской бульвара, вышли шесть кра-сногвардейцев... рабочих...

Чиновник. Почему вы думаете, что это красно-гвардейцы?..

Барышня. На рукавах красные тряпки... Когда они вышли — за ближайшим углом не было... Они ста-ли перебегать площадь... И вот когда, уже были на тротуаре, со стороны Новинского бульвара выбежали юнкера, человек двенадцать с винтовками...

Артистка. Это становится интересным!.. Юнкера молодцы!..

Студент. То?.. Тише..!

Барышня. (*продолжает рассказ прерывае-мым от волнения голосом*). Красногвардейцы стали стрелять из револьверов... Несколько юнкеров упало...

Чиновник. (*озлобленно*). Собаки!..

Врач. Вы, Иван Макарыч, удивительный человек... Но вижу, что мы не оставалось делать?..

Самов. Сдаться.

Врач. Ну, вполне, это уж через чур панибратство...

Чиновник. Просто спорить!.. (*барышне*). Про-должайте пожалуста.

Барышня. (*все больше волнуясь*). Юнкера тоже стали стрелять... Три большевика были убиты... Остальные в живых стрелявд о последнего патрона... Юнкера окружили их и стали избивать прикладами... Потом избитых, едва державшихся на ногах, прислонили к ограде Вдовьего дома и расстреляли... Двоих, которые были лишь тяжело ранены, юнкера добили прикладами...

Семов. Так этой сволочи и надо..!

Чиновник. Разумеется... Что же дальше?.

Барышня. (*Вздрагивающим голосом*) То, что произошло дальше... Это... во всяком случае... не делает чести юнкерам... да... да!.. Из того дома, откуда вышли большевики, после расстрела выбежала, обезумевшая молодая женщина... Вероятно, она наблюдала из окна... и все видела... может быть жена... или невеста... Не обращая внимания на юнкеров, она упала у одного из трупов... обнимала и целовала убитого... Юнкера обступили и издевались над ней... Вдруг женщина вскочила и ударила юнкера.

(Пауза).

Врач. Что же вы остановились, на самом интересном месте?!.

Барышня (*всхлипывая*) Они стали колоть ее штыками и бить прикладами... Они убили ее... Ах... я не могу!.. не могу...

Студент (*берет ее под руку и усаживает по ле-вую*)... Ну успокойтесь, успокойтесь...

(Пауза).

Чиновник. Черт знает какая сентиментальная!..

Артистка. Девочка... Чего же вы хотите?.. А вот и генерал пожаловал... Здравствуйте, здравствуйте...

(С террасы спускается старик в военной тужурке с генеральскими погонами).

Генерал. (*целует руку артистки*). Вы все цветете, и вас, кажется, даже большевики не трогают?!.

Артистка. Увы... Кроме отчаянной скуки, я ничего не чувствую. Хоть бы большевики обстреляли наш дом!.. Все таки разнообразие...

Семен. (*Отплевывается*). Тьфу вам на язык!..

Генерал (*хохочет*). Ха.. Ха.. Ха... Макарычу не нравится!..

Семен. Помилуйте, генерал!.. Этакое, прости господи, желание...

Чиновник (*ехидно*) Не горюйте, чего только господа от нас большевиков... Этот разрушит, так еще много отдыхать..

Семен Вы бы лучше за квартиру заплатили, а не разговаривать!..

Чиновник. (*Поднимаясь*). И следствовать буду, и за квартеру не впущу!..

Сомов. (*Сверкивая*). Не почтения ради их особ—(*кивает на генерала*) я, можно сказать, хочу с... а то бы я...

Чиновник. Ха! Ха... Ну... Говори... Что, брат... смелости не хватает?..

Сомов (*делает несколько шагов по направлению к чиновнику*). Я... Мы...

Чиновник (*передразнивая*). Вы! Они!.. Дамы?..

Генерал. Да бросьте, господа!.. В очень тяжутки и вдруг ссориться!.. Мы, так сказать, должны теперь соединиться все как порядочные люди... Да-с... а не то чтобы...

Врач (*артистке*) Вот вам и развлечение?..

Сомов. (*Генералу извиняющимся*) Хочу... Мне ту... лишь не почтения к ним... (*отходит в сторону*).

(Чиновник закуривает и фыркая и бормоча что-то, ходит взад и вперед).

Артистка (*вздрагивает*). Ах, стучат!..

(Все замирают и напряженно слушают).

Врач (*вздыхая*). Уф... это вам покажется!...

Артистка (*тяжело дыша*). Ну, слава богу...

Генерал. Это внизу, где-то, рядом... Да-с... и добак... (*сокрушенно качает головой*). Бо-

ратив, уж половину Москвы разрушил... Нет, ни-кое варварство!.. Боремся, что же хотите от черни?.. Ни на все пушек!..

Семен. Эти люди понять не хочут, что скорая безпокойства все равно ничего не получится...

Генерал. Но ведь позор!.. Позор, что до сих пор не могут справиться с кучей мерзавцев... сброд!..

Врач. Ничего, справится. Будьте покойны.

Генерал. Да я не сомневаюсь в этом, но вопрос — когда? Уж третий день, а толка нет...

Артистка. Ужасно скучно... видеть некуда нельзя...

Генерал. Ну, да... Я знаю, лишен свидания с моцион... по предписанию врача. А это гибельно для моего здоровья... Больно его... к столу подают лишь черный хлеб... Понимаете, что это значит при катаре?!. Понимаете ли—доктор?..

Врач. Да-с... это скверная штука...

Генерал. Прямо безобразие!..

Чиновник. Ах, генерал, генерал!..

Генерал. Что?..

Чиновник. А то с, что вы больной ребенок...

Семен (*поднимая чемодан*). Пустой человек!.. Прямо болванок, никакого почтения!

Генерал. Позвольте... Э... что это?.. я...

Чиновник. (*указывает на дверь*). Ха... Там революция, а вы-с о булочке толкуете!.. Смешно-с...

Генерал. Во первых, не революция, а бунт, а во вторых... Да, вы не большевик-ли?.. а?..

Чиновник. Я, такой же большевик, как и вы!.. Бунт?!.. Сукины близорукие!..

(Пауза. Ухают орудийные залпы).

Генерал. Когда я был поручиком, служил в Польше... Там тоже, поляки вздумали было бунтовать... ну так мы и расправились с ними! ха.. ха... небу было жарко!.. Нет,—не те люди теперь... Не умеют... (*уходит*).

Семен. Ну, да не умеют... Чтобы не столько дел и ничего не сделать!.. Боже ты мой!.. Вон у меня магазины уж третий день закрыты... Страдательницы убытки... Прямо ушу изорвали!..

Врач. А я, вы, думаете, не терплю?.. Где мои пациенты?.. а?.. Где?.. Собаки с'ели что ли?

Генерал. Вы же сами виноваты...

Врач. То-есть?..

Генерал. Вы же, сэр... А там (*указывает на дверь*). Кто безобразничает?.. Звери и большевики...

Семен. Именно...

Генерал. Вам же Керенский расшутил эту дрянь, большевиков. Надо было еще в июле сжать их... в кулак!.. (*сжимает кулаки*).

Чиновник. Мегкотолье!.. Где, ня!..

(Появляются адвокат и дама бальзаковского возраста с лорнеткой в руках).

Адвокат (*дame*). Да, да.. конечно... пора уж... (*к остальным*). Ну-с, господа, могу вас порадовать!..

Дама. Понимаете, он только, что...

Адвокат (*перебивая*). Да, я только, что говорил по телефону с городским головой Рудневым...

(Все настораживаются).

Навострились!.. ха... ха...

Генерал. Ну?..

Адвокат. Но вчерашнее сегодняшней ночи все будет конечно... Руднев говорит, что большевики живут последние минуты... Потом, эти слухи о том, что 25 октября в Петрограде свергнуто Временное Правительство, что Керенский бежал, и что образовалось новое правительство во главе с Лениным и Троцким—конечно провокация большевиков!..

(Общий облегченный вздох).

Сынов (*крестится*). Слава тебе господи...

Адвокат. Затем... Керенский во главе московских войск движется к Москве... Он уже около Клина... так, что...

Чиновник (*хихикает*). Странно... Почему он что-ли идет?.. Два дня тому назад тоже самое говорили... Хи.. Хи!..

Генерал (*чиновнику*). И что у вас за театр!.. Никогда вы ни с чем не справитесь!..

Чиновник. Извините-с, с такой неловкостью я никогда согласиться не могу!..

Дама. Он всегда страдал ухом отчаянно...

Адвокат. Потом, говорили утром, что телефон, почта и телефонная станция в руках большевиков... Ничего подобного!.. Ругаться только смеются!.. Наоборот большевистские районы по ним нет связи между собой, ибо телефон в наших руках...

Врач. Ну, хоть вы утешили!..

Артистка (*адвокату*). А вы не слыхали Худяка, что нового в Большом и Малом театрах готовится?..

Адвокат. Откровенно говоря, не интересуюсь...

Артистка. Фи... Какой вы противный!..

(В двери раздается: громкий истерический стук прикладами).

Дама (*падая на стул*). Ах!..

Семов (*отскакивает от двери*). Я... Я... Тот... (*судорожно хватается за сиденье*) Как же быть?..

Генерал. Гм... дайте мне винтовку!.. вы вовсе равно не умеете стрелять...

Врач (*артистке и даме*). Уходите на всякий случай...

(Стук снова раздается).

Дама. (*Задыхаясь*). Я не могу подняться... У меня ноги дрожат...

(Врач и артистка подхватывают ее под руки и поднимаются по лестнице, на верхних ступеньках останавливаются).

Чиновник. Ну и крюки же!..

Генерал. Милостивый Государь!..

(Снова нетерпеливый стук).

Сомов (*растерянно*). Как же быть?..

Чиновник. Тоже охранитель!.. Герой!..

(Подходит к двери и кричит:—„Кто там?..—ответ: конвоя!“..)

Адвокат. Черт их знает!.. может провокация...

(Стук опять. Слышны голоса: —„Да отворяйте-же!..)

Чиновник. Я открою... была не была... (*открывает дверь на цепь*).

Голоса снаружи:—Ну!.. Ну!.. Сомов!..

Чиновник (*открывает*). А мы думали большевики...

(Входят пять юнкеров и прапорщик с винтовками. Дама генерала вытягиваются).

Генерал. Бросьте... не время сейчас...

Прапорщик.—Вижу... Кто у вас, господа присутствующий член комитета Союза?

Сомов. Я с!..

(Пауза).

Прапорщик (*достает ключек бумаги*) Федоров, Петр у Вас в доме проживает?..

Семов. Кто?.. Федоров?.. (*пауза*) Не знаю... Вот домовая книга... Взгляните сами...

Прапорщик (*Просматривает книгу*).

(Пауза).

Ну, вот... есть... квартира № 6... Это какой этаж?..

Семов. Второй... направо...

Прапорщик (*к юнкерам*). Один остается здесь у дверей, а остальные, со мной...

(Уходят).

Адвокат (*юнкеру*). Не можете ли сказать, в чем дело?..

Юнкер. Мы должны штабом арестовать Федорова...

Дама. А что он сделал?..

Юнкер. Он оказывается весьма видный большевик...

Артистка и дама (*в один голос*) Большевик?!..

Адвокат. Странно... Почему же он дома сидит, когда все товарищи работают?..

Юнкер. Это, вероятно, сейчас выяснится...

Дама. Ах, какой ужас!.. У него наверно бомбы... Он может взорвать...

Чиновник (*Дама*). И даже вероятно при аресте он эту синьку эту и подложит, уж будьте покойны!..

Дама (*забывшись от ужаса*). Ах... это... нет... уже!... ужь... (*поспешно уходит*).

Артистка. Вот чудачка...

(Пауза. Все прислушиваются. Со второго этажа явственно доносится стук приклада о пол, потом голоса):

— Здесь живет Федоров...

— Здесь...

— Нам нужно его видеть...

— Он болен... лежит...

— Все равно... нам нужно его видеть...

(Потом голоса спутываются, доносятся лишь отдельные слова:—„Не могу“... „Как вам не стыдно“.. „Температура“... „По приказу главнокомандующего“.. Понимаете, сударыня... „Вынуждены будем силой“!.. потом голоса стихли...)

Артистка. Вошли...

Генерал (*укоризненно Сомову*). Как же это вы... сатеника... Гм... того... Не досмотрели?.. А?.. В порядочном доме и вдруг большевик...

Сомов (*виновато разводит руками*). Уж и сам не-знаю... Сатана попутал... не иначе...

Врач (*смеясь*). Ну теперь могу вам открыться...

Артистка. В чем?..

Врач (*серьезно*). Это я вам сюрприз приготовил...

— Все равно... нам нужно его видеть...

(Потом голоса спутываются, доносятся лишь отдельные слова:—„Не могу“... „Как вам не стыдно“.. „Температура“... „По приказу главнокомандующего“.. Понимаете, сударыня... „Вынуждены будем силой“!.. потом голоса стихли...)

Артистка. Вошли...

Генерал (*укоризненно Сомову*). Как же это вы... сатеника... Гм... того... Не досмотрели?.. А?.. В порядочном доме и вдруг большевик...

Сомов (*виновато разводит руками*). Уж и сам не-знаю... Сатана попутал... не иначе...

Врач (*смеясь*). Ну теперь могу вам открыться...

Артистка. В чем?..

Врач (*серьезно*). Это я вам сюрприз приготовил...

Генерал. Как это так?..

Врач. Очень просто... Я знал еще до восстания, что Федоров видный большевик. В Совете с ним сталкивался. Давече утром вспомнил о нем и позвонил в штаб...

Адвокат. (*Пожимает руку*). Правильно...

Генерал. Только жаль, что поздно...

Артистка. Лучше поздно, чем никогда.

Чиновник. Какая гадость!..

Врач. Вы забываете, что он наш политический враг... Я обязан был это сделать...

Адвокат. И даже непременно...

Генерал. Сейчас, так, вероятно, обыск идет...

(Пауза).

Адвокат. (*Юнкеру*). Ну, что нового слышно?..

Юнкер. Наши дела поправляются... Полчаса тому назад начали наступление на Совет...

Генерал. С какой стороны?

Юнкер. Со стороны Думы, затем по Черныше-вскому и Брюсовскому переулкам... Сегодня вечером думаем это осиное гнездо взять...

Сомов (*Крестится*). Наконец-то, Господи!..

Юнкер. Мы увидели, сюда из нашей сторожи... Затем мы получили сегодня сведения, что, по Александровской дороге движется Кузнецов с двумя корпусами...

Адвокат. Ну..у?..

Юнкер. Сделано... Он сейчас где-то около Кузнецова.

Врач. Ф-ф, ведь это же рукой подать!..

(Выходит студент, барышня и бледный студент в бархатной блузе).

Поэт, (*Скучающим тоном*). Все то же, все то же... вчерашние и эти скучные люди.

Чиновник. (*Вполголоса*).

Поэт. Виноват, вы сказали?..

Чиновник. Это я не вам... вообще...

Артистка. (*Поэту*). Ну, вы что надулись?..

Поэт (*пожимает плечами*). Скучно...

Артистка. Как и я...

Поэт. Не могу понять никак, чего это люди не так?.. Жили спокойно, красиво и вдруг, пожалуйте вздорожала вся жизнь... Ужасно глупо...

Студент. Вы ничего не понимаете!

Поэт. Так растолкуйте же в чем дело...

Студент. Да ведь это же комично ребенку! Большевики во чтобы то ни было хотят захватить власть. Но, конечно, это им не удастся. Наша партия самым фактом своего существования еще и прочно связана с массами.

Поэт. Какая это ваша партия?.. Я вовсе не знаю сколько сейчас существует партий, и чем они отличаются друг от друга...

Студент. Наша партия социалистов-революционеров...

Барышня. Я влюблена в Керенского...

Поэт. Это кто такой?..

Студент. Бросьте дурака валять! Неужели не знаете...

Поэт. Но как вы не хотите понять, что мне глубоко наплевать на вашу политику, на ваши партии, на ваших вожаков .. Я живу своей единичной, обособленной, красивой жизнью... Я знаю лишь одно, что социализм страшнейший враг всякому искусству... А, значит, враг и мне... И я не желаю знать его... Не желаю знать ваших революций!.. Не приемлю я их!..

Артистка: Да, да, конечно, что общего между искусством и политикой? Какая бездна!..

(Со второго этажа опять доносятся голоса, удары прикладом о пол).

— „Ведь он же больной... вы видите“!..

—„Ничего, мы это вынесем!.. Ха..Х!..

— Как нам не стыдно!.„Дерутся“ опять, по уши влезли“.

(Юнкера выводят под руки небрежно одетого, в растегнутом пальто больного Федорова. Позади, стараясь приблизиться к нему, вздрагивающая от рыданий его жена. Где-то играют на пианино).

Федорова. Митенька.. да что ж ты застегнул пальто (*торопливо застегивает, пальто мокро, потом обнимает его и целует*). Прощай.. прощай.. Милый прощай..

(Все пересмеиваются между собой).

Федоров. Не видать... Успокойся...

Прапорщик (*грубо*). Ну, ну, довольно кокетств! .. В сто хурм ма, гвоздь!.

Все (*в один голос*). До свидания!.. До свидания!.. Да здравствует Ваше Вы!.. поскорее разделаться с Сомшоньким!..

Генерал (*Сомову*). Здорово получилось, уже скоро стемнеет ..

(Голос из-за двери: „Подождите запирать... Откройте“...)

Сомов. В чем дело? . Кто ты?..

(Голос из-за двери:—„Да это я!..)

Рунова. (*Из за двери*)—Чуть не забыл! - Я ж!

Сомов. Ну, так бы и говорил! (*открывает дверь...*)

(Входит Рунова, проститутка, живущая в этом доме в крича-щем туалете, слегка пьяная. За ней какой-то молодой господин со свертками).

Сомов. Позвольте, это ж?.. (*Незнакомцу*) Вы разве здесь живете?. Чужого в дом не пущ,!. По мог!.. Прова.!.

Рунова. Во первых, он не чужой, а мой гость... Он во ж пан, а во вся вдет! (*обращается ко всем присутствующим*) Рекомендую господа... Ф брикант Сем ин, очень, очень интересный человек!. Вчера я у него была .. и рочевала у него.. Сегодня он меня приводит.. Он очень любезный... (*она тяжело опускается на стул*).

Свирский. (*Сомову*). Ната у, собственно, вы ко-пя ле пу ти ?. Что я вам сделал, что м? Что вы имеете ротив меня ?!. Вам ко ечно, чтобы моя большевицкая идеология?..

Сомов (*твердо*). А ни ему я вас не пущу, что вы здесь не живете и вы совершенно нам не известны.

Свирский (*Смеется*). Милый ты мой старичок, не волнуйся .. Так мы и говорим... (*достает из кармана бумажник и оттуда ряд документов*). Вот с извольте... Ознакомьтесь...

(Сомов, адвокат и врач рассматривают документы. Артистка, поэт, студент и барышня шепчутся чиновник фыркает. Генерал сердито нахмурив брови смотрит на Рунову).

Рунова Что это вы на меня возрились? Или очень понравилась? Но я на сегодня занята... (*смеется*).

Генерал. Ч-т знает, что такое!..

Адвокат (*возвращая документы Свирскому*). Документы все в порядке... правильно, но я не знаю, как быть?..

Самов. (*Уже мягче*). Нельзя-с... я же говорю...

Врач. Собственно, говоря, конечно... Но с другой стороны как же в самом деле, выгнать порядочного человека на улицу?..

Свирский. Ну да, другой большевик... Как поступить?..

Самов. Впрочем, они и вы же вместе нашего брата, господа, так и мне все равно... Пусть остаются...

Рунова (*Врачу*). Я счастливее вас...

Врач. Это почему же?..

Рунова. Как видите, ко мне даже во время революционных событий!.. Ха... ха...

Врач. (*Смеется и грозит ей пальцем*). Ох, донжуанство вы!..

Адвокат. (*Свирскому*). Вы где шли?...

Свирский. Сначала Садовой, потом Жилодерной, сдали дыши... Чуть не влопались в историю...

Рунова. Да с... чуть—чуть...

Свирский. На углу Садовой и Жилодерной шел бой...

Адвокат. Н?..

Свирский. В окопах засели юнкера с двумя пулеметами... А со стороны Петергофских шоссе бульварами вели наступление... Так, вместо какой-то вооруженной кучки рабочих с винтовками. Ну, разумеется, впереди на наше красивое зрелище. Были жертвы... А нам с ней пришлось в лобовую атаку, на убой которая...

Врач. Ну, ну, чем кончилось?.. Небось, на сполошь быстро латы задала?

Свирский. (*Засмеялся*). Не совсем так. Ну-с... юнкера по ней и хлестнули из пулеметов, а то зайдет кругом, и стреляй даже в шоссе. В штыки жмут.

Адвокат. Под пулеметами?..

Свирский. Не верите? спросите ее... (*указывает на Рунову*).

Рунова. В рио. Словно сумасшедшие... с криками...

Врач. Что же кричали?..

Свирский. Что то такое... За советы... С вета! . Словом, что то вроде этого...

Адвокат. Дальше, дальше!..

Свирский. Вы, знаете, я прямо была своим не верил!. голыми руками, можно сказать, взял-я стопы и захватили в плен юнкеров...

Врач. Удивительно!.. Откуда такое терпение?!.

Свирский. Черт их знает!.. и знаете, порядок образцовый!.. время от времени... пульсометры ставили, пленных докторов увели... Мы сами на аптеки через час... Ничего, пропустили...

Генерал (*недоверчиво качает головой*). Небывалое в лицах!...

(Пауза).

Свирский. А, ей, вчера, весь Кремль разрушен?..

Сомов. Неужто правда?..

Свирский. Сам видел... давеча утром Иван Великий рухнул... Сперва ударил ..

Сомов. Боже мой!..

Свирский. Грохот вон какой, только Николаевские Троицкие ворота пробить...

Артистка. А теперь?..

Свирский. Одни развалины... И Москва-река... Чудо ли по пол Москвы разрушен...

Чиновник. Г.. значит и Окружный суд разрушен?..

Свирский. Т.-с... Вы что судитесь тоже?.. Могу вас обрадовать... от вашего судебного дела и мокрого места не будет по найти...

Чиновник. Но сумма, а служу!..

Генерал. Вот варварство!.. Вот ужас!..

Врач. Ну, уж зато мы с ними потом расправимся...

Поэт. С кем?..

Врач. С большевиками, разумеется. Всё припомним... Ни одного камня бывшего из мостовой не забудем... за всё отомстим!..

(Пауза).

Свирский. (*Рунову*). Ну-с, юный друг, пойдем ли нам к тебе?

Рунова. (*Встает*). Пойдем... Дай-ка руку... А то мне пожалуй, не подняться по лестнице... устала...

Свирский. Покойной ночи, господа!..

(Уходят).

Поэт (*задумчиво*). Интересная... в ней что-то есть...

Барышня. Она вам нравится?..

Поэт. Да... в ней что-то есть сильное...

Барышня. После этого я с вами и разговаривать не буду!..

(Пауза).

Адвокат. (*Смотрит на часы Сомову*). Через десять минут я должен быть снова...

Врач. Уже тепло, мира своя ражь. (*На подставке тумбе зажигают свечи. Стрельба усиливается. Стреляют где-то совсем рядом*).

Генерая. (*Встает*). Уж не в наших ли переулках стреляют?..

(Все прислушиваются).

Адвокат. Кажется...

Самов. Этого еще не хватало!..

Врач (*артистке*). Вот вам и развлечение... Вы все спутали...

Артистка. Ну это вот!.. Вот если бы дом наш обокрали!..

Врач. Подождите и это еще будет...

(Почти бесшумно появляется Федорова. На плечах большой платок. Она подходит к телефону и вызывает станцию).

Федорова. Пять двадцать один... Д... Д... Федоров... Адвокат Федоров?.. Это с его ночной говорят? Нет, мне нужен дежурный... Пожалуйста пришлите!., На одну минутку!... Пожалуйста!..

(Пауза).

Дежурный офицер?.. Мне нужно справки... Недавно к вам был доставлен больной, арестованный... Да, да, Федоров... Я жена... Как он себя чувствует? Не умираю вас!.. Я очень беспокоюсь. Где

вонесутли ст?.. прошу вас!... Ради Бога!.. Сказ-
т.сь!.. (*плачет*) Как милости прошу... Благода-
рю, благодарю. Я ждекду...

(Пауза).

(По переулку стрельба усиливается. Слышны какие-то смутные голоса).

Да, я слушаю... Что такое?.. Непонятно?.. Вероятно, он жизнь себя чувствует?.. Что ж?.. Ну, пи... говорите!.. я ко всему готова... Я хочу знать правду... Да, да только правду.. Что как умер?!.. достали?.. да с-ину... Что-то хрипит?.. (*повышает голос*) Что ж вы молчите?!. Говорите ж!.. Ну скажи!.. (*кричит истерическим голосом*). Ростро...

(И не окончив слова, падает на пол).

Врач и Адвокат склоняются над ней.

Врач. Глубокий обморок... Ну-с, господа музыканты, и вы господин чиновник, (*поэту*) извольте-ка отсюда идти...

Чиновник (*подходит к врачу*). Сделайте-ро-гатно!

Врач. Пошли, ей, ты, чиновник!..

Адвокат. (*Сомову*). Я сейчас вернусь, сюда Вас...

(Федорову медленно уносят. У столика барышня бьется в истерических рыданиях. Все, кроме Сомова и барышни уходят... Стрельба усиливается).

(З А Н А В Е С).

Сцена третья

В стане Боговарейцев.

Действующие лица в 3 сцене:

Шубников
Шмерлинг
} Эсэры, члены Правления Союза.

Сталь—Меньшевик прокурор Окружного Суда.

Комиссаров—член фабзавкома.

Дежурный полковник.

Поручик.

1-й
2-й
} рабочие, солдаты.

Интеллигент.

Дама.

Юнкера.

Офицеры.

Члены-женщины и учительницы, распространяющие воззвания.

Военно-фельдшерское военное училище. Большая комната. У правой стены письменный стол, заваленный бумагами. На столе телефон и горит свеча. За столом дверь в соседнюю комнату. У левой стены стоят два простых стола. Прямо — открытые двери в коридор.

В комнате беспорядок... Клубы сдвинутого со своих мест на полу клочки бумаги и окурки...

Ночь 30 октября...

При открытии занавеса направо, за столом сидит толстый полковник, около него видны члены президиума только-что московского-эсеровского Совета, Шубников и Имеретинский и прокурор Окружного Суда Стель. У противоположной стены, за столом два офицера, что то пишут. По комнате взад и вперед шагает известный кадет и фабрикант Комиссаров.

У дверей, выходящих в коридор, два юнкера с винтовками.

Видно как по коридору, взад и вперед прогуливаются, разговаривая и пересмеиваясь, юнкера, офицеры, студенты, гимназисты, разодетые дамы и штатские мужчины, укрывшиеся под благостью сени училища.

В продолжение всего действия в комнату от времени до времени входят офицеры и останавливаются перед большим планом Москвы, висящим в простенке. Некоторые подходят к офицерам, сидящим за столом у левой стены, и тихо беседуют... Изредка в соседнюю комнату проходят сестры милосердия...

(Во время снятия загулившими студентами за стеньба.

Шубинков (*устало*). Но меня, таким образом, выражает вот что... Сейчас, когда на улицах Москвы, решается судьба России... решается вопрос быть нам или не быть этим проклятым у власти, мы по-прежнему остаемся одни... Да, да... одни-одинешеньки. Масон отшатнулись от нас... Вот это очень характерно, что мы не насчитаем и сотни рабочих, сражающихся рядом с нами...

Шмерлинг (*Усмехаясь*). Вы, дорогой, сильно уже можно сказать из ближнего ряда... Во-первых, наши дела уже не так плохи, во-вторых, здесь, в Москве, а во-вторых, что только представляет из себя, как и эта вся масса—сброд рабочих, мастеровых и вы так хорошо знаете!.. Разве это есть я сам?.. Петрушка на ниточке и больше ничего!.. Во время на ниточку дернула и на сцене и за кулисами дергает и вертелся так, как хочется ей... Только обстоятельства временно изменились, и глядят за эту самую ниточку большевики... Вот и вся история!.. Так что считаться с моей и узнавать, что она все-таки дергает, смешно!.. Если стали, успеет прийти нам на помощь во время, и мы очень быстро кавардак этот большевистский сунут, вот вы тогда посмотрите, что запоет масса!.. Преобразится мгновенно... И опять на нее, хоть водевиль пой!

Сталь. Да, Керенский прав, говоря, что масса нечто иное, как глухое стадо взбунтовавшихся рабов... И этим-то рабам большевики показали конфетку чуть, чуть побольше нашей, ну и само собой, рабы и об-

рговались... Хо.. хо... Ловкие эти сладенькие— „Долой войну", „В я власть Советам"! . „Бей буржуев"!.. и всякие тому подобные приятные слова!..

Шубников. Ну, я с вами, господа, не согласен... Класс Москва говорит нам другое...

Полковник. Что же, по вашему?..

Шубников. То, что взбунтовавшиеся рабы - не дураки, как это вы полагаете и понимают, что делают!..

Шмерлинг. Это вам кажется...

(Звонок по телефону).

Полковник. (*Берет трубку*). Что?.. У Пантелеева вор?.. Когда?... В каком количестве?.. Да, что, вы!.. Сию минуту пошлю роту... Нет, больше не могу... Нет, вы!.. хорошо... звоните.

(Все присутствующие в комнате напряженно смотрят на полковника).

Полковник. (*Офицеру, сидящему напротив за столом*). Господин поручик!.. Передайте штабс-капитану Сидельникову, чтобы немедленно отправил роту юнкеров на подкрепление к дому Городоначальника...

Поручик. Слушаю!.. (*уходит*).

Шубников. В чем дело?..

Полковник. Просили подкрепление... здорово наседают!..

Шмерлинг. Но ничего серьезного?..

Полковник. Ловлю, ловлю...

Шубников. Вы, вот полюбуйтесь, что делается!.. Дезорганизованные полки сидят, без дисциплины, без опытных руководителей, а какое упорство! Что ни говорите—вот сила...

Полковник (*расхохотался*). Бросьте!.. Какая к черту сила!.. К нашему, по количеству их больше.. Смотрите сколько у них (*загибает пальцы*). Все лежачие полки Москвы, 1-я запасная артиллерийская бригада, самокатный батальон, команда связи, несколько рот из II запасной слободы...

Сталь. Ого!..

Полковник. Позвольте, позвольте, это еще не все!.. Дальше... Части из Костромы, из Сергиево. Сюда сводной численностью до 15 тысяч в оружейных, активных бойцов, да три дня три вооруженных рабочих, шесть батарей трехдюймовых и несколько тяжелых орудий, правда, без прислуги или с неполной прислугой... видите, какое количество?!.

Шубников. А вас сколько?..

Полковник. У нас не более десяти тысяч, но сила колоссального состава... Но вы сами понимаете в качественном отношении огромная разница... Там шестерки, дезертиры отпетые от дисциплины... Сюда банда разбойников, а у нас, Слава Богу, настоящие солдаты!

Комиссаров. Однако...

Полковник. Что вы хотите сказать?

Комиссаров. То, что вы говорите не совсем правильно... ведь, если бы было так, как говорите вы, то эти банды разбойников давно бы были уничтожены.

Шубников. Правильно!.. Я слышал, как они идут в бой... Они рвутся подобно сумасшедшим!. Никакой ураганный огонь не останавливает их... Идут напролом... Умирают с криками радости!..

Полковник. В этом надо отдать им справедливость—они умеют умирать... Я не мало их расстреляв, и рабочих, и солдат... И я не видел ни разу проявления малодушия... Но в конце—концов, сколько бы борьба не длилась, мы все же раздавим их—это ясно... Ибо качественный перевес на нашей стороне...

Шморлинг. Во чтобы то ни стало мы должны победить!..

Комиссаров (*останавливаясь*). Я не знаю, почему, но у меня такое чувство, что эта борьба... эта революция не окончится московскими днями... Такое предчувствие...

Шморлинг (*усмехаясь*). Но, это, кажется, уж из области мистики...

(Входит поручик).

Поручик. Господин полковник—рота выступила...

Полковник. Ага... хорошо...

Сталь (*поднимаясь*). Пойду поброжу...

Шмерлинг. И я с вами...

Полковник (*кивает головой на корридор*). Хы! хэ... там взяли того... есть ничего себе... кой на что годятся!..

Сталь (*разглаживая усы*). Не беспокойтесь, не пропустим... А вы, что же?..

Полковник. (*Махая рукой*). А кто же здесь остается?.. Все куда то разбрелись... Черт их знает!.. Вот, уже ведут опять...

(Шмерлинг и Сталь уходят).

(В комнату вводят растерянного жалкого молодого интеллигента и двух рабочих. Котелок на интеллигенте с'ехал в сторону, пальто растегнуто, галстух развязан. На лице отчаянное выражение. Рабочие—в коротких ватных куртках, у одного на груди красный бантик, у другого рукав перевязан красной материей. Они держатся спокойно. Осматриваются. Двое юнкеров с винтовками сопровождают их).

Интеллигент. (*Заискивающе*). Здрасте, генерал... видите ли, вышло маленькое недоразумение... Я... вот они... (*указывает на юнкеров*).

Полковник. (*Грубо*) Молчать!..

Юнкер (*Подходит к столу*). Имею честь доложить, г. полковник...

Полковник. (*Перебивая*). Где задержали?..

Юнкер (*указывает на интеллигента*). На Оттожженке, а этих двух (*указывает на рабочих*) наша застава передала вначале Пречистенского...

Полковник. Обыскивала?

Юнкер. Так точно... при обыске у всех оказались револьверы...

Интеллигент (*плаксиво*). Дело в том, что... я... они.. господа юнкера...

Полковник. Я тебя не спрашиваю!.. (*юнкеру*). Что нибудь еще найдено?..

Юнкер. (*На интеллигента*). У него пропуск, выданный Военно-Революционным Комитетом, а у рабочих ничего, кроме револьвера.

Полковник. (*Интеллигенту*). Ты большевик?..

Интеллигент. (*Задрожав*). Что вы, господин генерал!.. я... вы знаете.. Я напротив даже!.. Я никогда... я настоящий буржуй!... Да, да!.. Самый настоящий!.. У меня .. нет, у моей жены дом.. а у тетки... Ха!. ха!.. хе.. хе.. хе... Сами видете ошибочка вышла... господа юнкера... знаете... того... этого... нет, я терпеть не могу их! (*указывает на рабочих*).

Полковник. (*Кричит*). Что ты болтаешь всякий вздор!. Какая там жена, тетка?! На кой черт мне знать твои семейные дела!..

(Привлеченные криком полковника гуляющие в корридоре толпятся у двери и пересмеиваются)

Полковник. Отвечай мне без всяких вывертов!.. Почему у тебя отсутился бельгийский пропуск?!..

Интеллигент (*Всхлипывает*). Я... видите ли... они... я купил его...

Полковник. Зачем купил?..

Интеллигент. Впрочем, нет, не купил... выпросил... мамаша больна... навестить...

Полковник. Врешь сукин сын!..

Интеллигент. (*Бросаясь к столу*) Говорил, на пру!.. Вот умереть на этом месте... Господа юнкера... я могу...

Полковник. Довольно!.. Ну, тебя к черту!.. На двор... (*Юнкеру*) В комнату арестованных... Там увидим...

Интеллигент. (*Хватается за стол*). Я не дамся... Что вы!.. Я... мы... Помилуйте.

Полковник. (*Юнкеру*). Убрать!..

(Юнкера без церемонии берут за шиворот интеллигента. Подскакивают два офицера помогают им. Интеллигент барахтается и кричит).

Интеллигент (*Полковнику*). Не сметь меня трогать!.. Я... Керенский... я вчера с Керенским!.. Вы все поплатитесь!..

(Его тащат к двери... Он вырывается и подбегает опять к полковнику).

Спасуйтесь!.. Не расстреливайте!.. Я не виноват. А пропуск только ты... это пустяки...

(Его опять тащат. Он вопит во все горло... а! . а!.. а!... а!.. ааа аа!.. не хочу умирать!.. Не хочу!.. не хочу)!..

(И долго еще его вопли доносятся из коридора).

Полковник. (*Рабочим*). Подойдите!..

(Рабочие подходят).

Ну-с, друзья, попались?.. Ха.. Ха.. ха.. Красные тряпочки напугали?!. Так-с... Жеден города лесь?.. с... За сколько? Ну, как ваши жулики главные кажутся, Ленин с Троцким?. У-у... продажные своль!..

Рабочие. (*Спокойно*). Вы, глупый полковник...

Полковник. (*Вскакивает*). Молчать, негодяй! Как ты смеешь, сволочь, оскорблять меня?!. Знаешь, кто я?.. Знаешь, что я могу?!. Да, я тебя... (*топочет ногами*).

Рабочий. Мы ничего не боимся... Вы можете убить нас... меня и его... мы не боимся смерти... Но победа все же останется на стороне рабочих!..

Полковник. (*Злобно смеясь*) Посмотрим, посмотрим!.. Только ты этого уже во всяком случае не увидишь!..

Шубников. Позвольте, мне ваше лицо знакомо... не помню (*Припоминает*) где я вас встречал?!. Не помню.:

Рабочий. (*Насмешливо*). Зато я помню...

Шубников. (*Удивленно*) да?.. Вы меня знаете?..

Рабочий. Вы эсер Шубников, член президиума Совета... В Совете мы встречались...

Шубников. Да.. да теперь припоминаю!.. но извольте... ваша фамилия...

Рабочий. Если не помните, то не стоит говорить... Но вот здесь, в гнезде белогвардейцев я не ожидал вас встретить!..

Шубников (*Пожимая плечами*). Не понимаю, почему вы удивляетесь?.. Все находящиеся здесь защищают Временное правительство... Вы забываете, что партия эсеров...

Рабочий (*Усмехаясь*). Нет, нет... Я не забываю...

Шубников. Вы же большевики, пытаетесь вырвать власть у законного правительства, не дождавшись созыва Учредительного собрания... Такая попытка преступна!.. Все равно из этого ведь ничего не выйдет.

Рабочий. Временного правительства уже не существует... Адвокат Керенский бежал... все члены правительства, кроме Керенского в Петрограде... Сейчас у власти наше правительство, Правительство рабочих и крестьян...

Полковник (*перебивая*). Довольно... Этих мы уже слышали... Юнкер, уведите их!.. Немедленно расстрелять...

Юнкер. Слушаю! (*рабочим*). Вперед!..

Рабочий. Одну минутку... (*полковнику*). Не разрешите ли оставить записку жене...

Полковник. Какие сантиментальности, подумаешь!.. Странно... Нахожу лишним!..

(Рабочий пожимает плечами уходит).

Комиссаров. Хэ.. посмотрите, как дерутся!..

Полковник. Они, всегда так...

Шубников. Не могу никак припомнить фамилию этого рабочего... Но кажется, это видный большевик...

Полковник. Тем лучше...

(Звонок телефона).

Да, я... Что?.. Что такое?!. Не слышу... Да как же так?!.. Но, почему же?... Не может быть!.. В порядке... Черт возьми!.. К Нарвским воротам?.. Начали окапываться?.. Так... так... Ну, нужно позвонить.. Прекрасно!..

(Кладет трубку).

Шубников. Ну?..

Полковник. Пришлось оставить.

Комиссаров. Что?..

Полковник. Дом градоначальника... Ничего не поделаете!.. Отступили к Нарвским воротам... Окапываются...

(Пауза).

(Шубников и Комиссаров разговаривая выходят. Отчетливо долетают винтовочные выстрелы—пачкой).

Поручик. (*Подходит и прислоняется к стеклам окна*). Ну, вот...

Полковник. Что-с?..

Поручик. Я говорю, что с этими двумя покончено...

Полковник. Да, кстати. Дайте на список очередных... вчерашних.

Поручик. Слушаю... С.йчас (тыщу!..

(В комнату входит, как свой человек, молодая, шикарно одетая дама).

Дама. Полковник, к вам можно на минутку?...

Полковник. (*расшаркиваясь и приятно улыбаясь*) О, конечно!.. вам всегда можно!... (*целует руку*).

Дама. (*Кокетничает*) Я знаете, соскучилась по вас...

Полковник. Да что вы?!... Очень приятно!...

Дама. Вздыхаю, вы все заняты?..

Полковник. Увы, завален работой, как видите... Через час освобожусь... Ну, как вы устроились?

Дама. Более или менее сносно... Во втором этаже.. Юнкера два дивана откуда то притащили, кресла, пианино,... хе.. ха... Прямо таки бивачная жизнь!...

Полковник. Ха!.. ха... Вот именно? бивачная жизнь!.. Думали ли вы когда нибудь?!.

Дама. О, что вы!.. Но это даже интересно!.. Ведь вы недолго будете церемониться с большевиками?.. Не правда ли?..

Полковник. Через два-три дня все будет кончено...

(Поручик отыскав, наконец список, подходит к полковнику).

Полковник. Хорошо, я просмотрю!..

Дама. Нет, нет.. пожалуйста!.. Я могу уйти!.. не стесняйтесь...

Полковник. Ах, что вы!.. Ради Бога останьтесь!.. Это пустяки... Вы даже мне поможите...

Дама. В чем?

Полковник. Да, вот, в этом...

(Протягивает ей список).

Дама. Это что такое? Какие-то фамилии... ничего не понимаю!..

Полковник. Это список арестованных большевиков... Мы, так сказать, ежедневно, стараемся разгрузить его... ха... ха... потому, что он ежедневно пополняется своими...

Дама. Ага... вот что! . Но, чем же я вам помогу?...

Полковник. Выберете, ну, хоть пять. . нет, позвольте, здесь всего сколько?..

Дама. Четырнадцать ..

Полковник. Ну, скажем, семь. .

Дама. Да ведь я не знаю...

Полковник Вот вам красный карандаш. . Просто какая фамилия вам понравится, поставьте крестик. . Видите как просто?.. Ха. . ха...

Дама. Ах, как интересно!.. Там, где-то сидят эти четырнадцать человек и не чувствуют что их жизнь сейчас в моем распоряжении... (*читает*) Нестроков... Ужасно странная фамилия!... Не правда ль?..

Полковник Идиотская!.. Отметьте!.

Дама (*Читает дальше*). Карельман .. Эпштейн... Это...

Полковник. Жидовин...

Дама. Фи.. Этих конечно... Нет, это скучно! . мне надоело... Отметьте сами!...

Полковник. Нет, уж извините... Коли взялись за гуж, не говорите, что не дюж!.. Ха... ха... хе... Нет... нет заканчивайте свою работу... Иначе не выпущу.

Дама. Вот мучитель... Ну, хорошо извольте... (*быстро делает пометки карандашом*) Фу... наконец-то!...

Полковник. Господин поручик!

Поручик. Чего изволите? .

Полковник (*передает список*). Отмеченных красным карандашем в немедленный расход!...

Поручик. Слушаю! (*уходит*).

Дама. (*Встает*). Ну, полковник за то, что меня мучили, после девурства ко мне! . У меня кое-кто соберется!.. немножко выпьем .. Повеселимся!

Полковник. (*Тоже встает и провожает ее до двери*). О, почту своей священной обязанностью!.. Непременно, непременно!..

(З А Н А В Е С).

Сцена четвертая

В Рабочем квартале.

Действующие лица в IV сцене.

Николай—рабочий.

Анна—его жена.

Старуха—мать Николая.

Рязанов, Степанов, Федор } Рабочие.

Жены рабочих.

Небольшая проходная комната в квартире, населенной семьями рабочих.

Обстановка комнаты бедная. Простой стол, табуреты. Вдоль правой стены на ящиках устроены постели. В углу старый крашеный шкаф.

. . .

По временам доносится далекая трескотня пулеметов, выстрелы и буханье орудий.

Из дальних комнат от времени до времени слышен плач грудного ребенка и баюкание матери.

.

При открытии занавеса на постели сидит старуха, рядом с ней Николай вот уже шестой день в городе сражается против белогвардейцев.

У окна Анна, невестка старухи.

Старуха. (*При каждом орудийном выстреле набожно крестится*) Што ж тако-?!. Помереть то по людски не дадут!.. На што это живы?.. **Катерина.** (*Анне*) Все глядишь? Да где уж теперь?.. На-што дождешься!.. Не сумела удержать—теперь што!.. А то любовь... кабы любил не ушел бы...

(П а у з а)

Царь был плохо, долой его... Теперь царя смахнули... чего надо? И этого мало... Родна што-ли теперя? Вот... довела, ни царя, ни бога... Сколько годов жила, никогда не слышала, штобы такое где было...

Анна. Что вы все ворчите, мамаша?!. Как это вам не стыдно!

Старуха. Во что не!. Тут чуть с голода не околеешь, а мне же и стыдно... Ни тебе картошки, ни тебе хлеба... Это што ж такое?! а?.

Анна Да об этом ли теперь думать?. Что вы!..

Старуха. Ты видно с горя-то совсем рехнулась!. Што ж ты думаешь своим духом сыты будем... Они там палят, а мы дома... Их, ты, какая девка!..

Анна. Если Николай ушел, значит надо!..

Старуха Он что не сделает, по твоему все хорошо...

Анна. Да.

Старуха. Небось вон другие-то, похмурее которые да поумнее, не пошли, а дома сидят...

Анна. (*досадливо*) И как это вам мамаша, не надоест, с утра до вечера кричать?!.

(Через комнату проходит рабочий Рязанов)

Старуха. Што слыхать-то?..

Рязанов (*Останавливаясь*) Да, што! Моя правда.. Капут им пришол! И поделом...

Анна (*тревожно*) Про что вы говорите?!.

Рязанов. А вот про то, что Совет юнкера взяли..

Анна. Кто вам сказал?

Рязанов. Кто сказал?!.—Люди говорят...

Старуха. Што и теперь будет-то?.

Рязанов. Известно, што... разправа... Много нашей крови прольется... (*уходит*).

(Большая Пауза)

(Анна прижавшись к косяку окна тихо плачет. В дальней комнате плачет ребенок).

Анна. (*Радостно вскрикивает смотря в окно*) Коля идет... Коля (*поспешно выбегает из комнаты*).

Старуха. (*Кряхтя сползает с постели и радостно крестится на угол, где висит ико*

Ну, слава тебе господи!.. *(побежит и двери
ждет).*

иного погодя входит Николай с винтовкой в руках. Анна
прижалась к нему радостная, счастливая).

Николай. (*Ставит винтовку в угол и обни-
ет мать*) Здорово, мамаша!.. Ну, как-ти?..

Старуха. Ах, ты шальная голова . Шальная го-
а!.. Где пропадал-то?.. Посмотри, как она извелась
тебе...

Николай. (*Ласково обнимает сестру*) Ничего ..
у меня молодчина...

Старуха (*указывает на патронташ*) Эко-
ишо ж не снимаешь?... ась?..

Николай. Не стоит... Я ведь не надолго!..

Анна и Старуха. (*в один голос*)—Не надолго?!.

Анна. (*в голосе слезы*) Опять... боюсь я за
... сердце изболело...

Старуха. (*Качает головой*) О с-х, конца
к не видно!.. И без тебя обойдутся!..

Николай. Не обойдутся... Каждый рабочий должно
быть, а не сидеть по норам сорок, как сич.. (*кри-
т голосом на соседнюю комнату*). Потому
дело то ведь наше .. за свою долю боремся!..

(Из соседней комнаты выходят два рабочих Рязанов и Сто
ков, здороваются с Николаем и усаживаются у стола. В д
рях стоят их жены).

Рязанов. Ну, как так?.. Правда что-ли Ст
вили?..

Николай. Какая брехня!.. Сядете здесь с баб
до выдумывать сказки...

Степанов Мы не выдумываем, люди говорят...

Николай. Сбор возьмут, когда нас не одного
останется. Так и знайте!.. А глупые слезы коп
рять совестно...

(П а у з а)

Сегодня к вечеру, по сведеньям, на
ков, инженер, действительно готовящий побег на Обско
А выпьют, или нет, бабушка на двое сказала. Тем
ни не взять!.. Зубы обломают! Мы
Здесь, у нас много засело дома всего... Над
смотрят как на бесов. Разве это жизнь?.. Не
послали, чтобы раскачать нас, подлить не
наступает перелом в борьбе...

(П а у з а)

Сейчас заседал нот, у нас в квартале, кое к кем
Уговорил... пойдут со мной... Очнулись...

Рязанов. Нет, брат, а я не пойду... Нам
по пути... Я брат, другого лагеря...

Степанов. (*угрюмо*) Я тоже...

Нона Рязанова (*стоит в дверях*). Пошто ...ть крик?..

Николай. (*посылает пасчами*) Эх вы... а ...вязаться рабочим!..

Язанов. Бы напомнил Романцевскому правительству...

Николай. Вот какому же?.

Топанов. Как как ы?.. Кто ее царя поставил в Февральской революции..

Николай. Правительству защитников и их лакеев ...ов и мальшевиков?.. Правительству, которое во ...я то власть успело продолжать войну в своих ...ейных интересах?.. Правительству, которое нас ...ти в пропасть сняло не хуже царского в бараний ... И это правительство вы называете народным?.. ...больше нет, этого подлого правительства... Рабо... революция разгромила его в Питере...

...ько дней как власть перешла в руки тру...ков... В наши руки... Понимаете?.. Прово...ное наше правительство, Совет Народных Комиссаров. ...ы и мы революционеры на деле, а не живут ...нциями с создавшимся положением... Бежавший ...ов в Псков несколько эшелонов казачьих ...дет на Питер, чтобы подавить рабочую революцию, ...ернуть рабочее и крестьянское правительство и установить диктатуру помещиков и капита...ов!..

Но знайте кто не с нами, в этот тяжелый час б
бы—тот против нас!..

(П а у з а).

(Взволнованно ходит по комнате).

И тоже вот здесь, в Москве, буржуазия, а вместе с
и эсеры и меньшевики тоже напрягают последние
лия свои, чтобы победить нас... Они все поста
на карту... И горе нам будет, если они побед
Они кровью нашей зальют всю землю!. .

Входит седой старик, опираясь на палку и садится у с

Николай. *(тихо)* Мы должны победить или
реть... Революция требует жертв и эти жертвы
ирасы. Впереди свободная жизнь... Мы смело с
в лицо смерти, нам нечего терять... *(увидав с
рика)*, А, дядя Федор, здоров!.. *(пожимает
руку)*.

Федор. Здоров,.. здорово... Ему в конце
прошел, ну и того... дай мне пойду... насо
о своем што... Мозо то видел?.. а?..

Николай. *(отворачиваясь)* Видал...

Федор. Жив?.. здоров?..

(П а у з а)

Николай. Да видишь ли, дядя Федор, как
сказать...

Федор. *(Пытливо смотрит на Нико*

ори начистую... Што?.. ранен?.. Аль убит?..
о же молчишь?.. Я брат готов по всему... Ты
ильно скажи, разводцон жертвы нужи...

Николай. В первой стычке с юнкерами убит...
ом со мной стоял... Честно умер... Как революцонер... Как герой...

Федор. (*Опустив голову*) Да, будет воля твоя..

(П а у з а).

Все женщины вздыхают и крестятся).

ду, што ж... Так значит нужно... (*вздыхает*)
ы бы... Убили,.. Ах, ты боже мой... (*закрывает лицо руками*).

(Входят две женщины)

Женщина 1-я. Не видали ли мово?..

Николай. Лаптева? Как-же... в одном райо и со
, поклон прислал...

Женщина 1-я. (*крестится*), Ну, слава богу.. ноги ребята измучили:—„Где папаша?—спрашива—Подавай нам сю...—Ты говорят, врешь, скры ть от нас—сго юнкера убили... А старший, Ва: „Пойду говорит, за папашу отомщу... Побы с ним скорее, обрадую. Спасибо вам за добрую весточку. (*уходит*).

Женщина 2-я. А мово с сынишкой не видали?.. неужто не приключилось?.. Тарасова?!.

Николай (*припоминает*) Пекло... Пекло...

Женщина 2-я. Ну, вот, и с ним (ни, мы... пятнадцать лет, Федя... Может вернут?.. Он... самый первый день ушли...

Николай. Нет не вернут, наверно, они в друг... районе.

(Отходит с женой к окну)

Женщина 2-я. Ах, ты, Боже, Боже мой...

Старуха. (*2-й оглянувшись*) Как же ему без... чашку то отпустили?.. Ну, отец, тут сидя...

Женщина 2-я. Заводила: „хочу с тобой пой... ехать и все тут“. Я и просила, я и плакала, ... осталась, упорся как бык... Ведь, конечно, с от... за рабочую свободу сражался... Так и ушел...

Рязанов. (*хмуро*) Разбили бы его, ... народ...

Старуха. (*Федору*) А ты, Федор, как же ... жить то будешь без сына?.. Кто кормить то будет?

Федор. (*тихо*) Проживу... Ничего... работ... буду... Ничего как нибудь...

Николай. Не бойся дядя Федор, рабочий... оставим... Поможем... Свой небось...

(П а у з а).

Степанов. А вы революция...

Федор. (*Запнулся*) Революция?.. Да... Но тебе говорить! Слышь, ты!, вот у меня ...

...б врагов революции... Нету!.. Где-б они ва..., мы знать не можем... Но всех их живым остаться, ...кому-нибудь и побывать должен... А такие враги, ...ти, до Рязанов, хуже врагов наших...

Рязанов. Чего это набросился — то?... Какие ...то мы враги?.. Мы тоже рабочие!..

Федор. По нашему... Другие умирают за вас... ...вь пролезают сюда... для вас же, дураков стара-...ся... а нам только готовенькое подавай... много ...таких найдется!..

Жена Рязанова. (*рядом стоящей женщине*) ...подишь ты!... ему все мало... И сына у меня... ...ее нейдется!...

Федор. (*качает головой*) Ах, ты глупая, глу-...я что сын тебе, нет печали горшей для меня... ...ыть от боли хочется...

(П а у з а.)

...ванов встает и уходить к себе в комнату, за ним и Степа-нов Уходят и их жены.)

Женщина 2-я. Вот сижу целые дни у окна и все ...отрю на улицу и думаю:-Может сейчас вернутся...

Федор. А мне тот и ждать теперь некого... ...ь вернутся... ты будешь ждать...

Женщина 2-я. Сижу и жду...

Старуха. А может и вернутся...

(П а у з а).

Федор.... Жалко мне только одно, за дочь я... не умиру... эту самую жизнь—то новую, которую сыя пойдо... Вот это самое жалко... Хо бы одним глазком взглянуть!.. А, чую... о-ох. будет легка жизнь... Легка будет жизнь...

Старуха. А почем ты знаешь?..

Федор. (*уверенно*) Будет... Как пить д будет...

(П а у з а).

Вывало сыи те... целыми вечерами и рассказыв мне, какая будет расцрекрасная жизнь. Очень хороша Совсем другая, што и говорить! Вот, говорит, подож увидишь... Где-ж тут увидать?.. Но в один нес месяц, али год построится....

(П а у з а).

(*Николаю*). Ты опять што—ли пойдешь?..

Николай. Да... Вот подойдут товарищи и пойду

Старуха. Попробуй, удержи его!.. Словно пт из клетки рвется.

Федор. Чьи ребята—то пойдут?..

Николай. Да из нашего же квартала... Чело двенадцать пойдут... Дома все время сидели. Эсерами себя называли.... Вы, говорят, предат революции. Это на нас то!.. Против правительст идете, захватчики власти... Ну точь,—точь, как

сп... (*кивает головой на дворъ, куда ушли Рябовъ и Степановъ*). Давеча я ихъ напугалъ, когда домой шелъ. Разсказалъ, имъ бо настояще—то предатели революціи и доказалъ что честный рабочій элементъ не можетъ быть... Ничего, одумались... Теперь хотятъ идти...

Федоръ. То—то...

Женщина 2 я. А и безстрашные же... Пули летаютъ, пушки грохочутъ. Вонъ какъ громыхаютъ... Здесь и то страшно...

Николай. (*улыбаясь*) Но страшно, тетка а весело... Ажъ духъ захватываетъ!..

Старуха. Ишь, какое весёлое нашелъ!..

Николай. Ничего, мамаша, вы не понимаете!.. (*подтягиваетъ ремни патронташа*)

Старуха. Где намъ понять, грешнымъ...

Николай. (*заглядывая в окно*) Ну, вотъ я мои ребята собираются...

Анна. (*Обнимая мужа*) Подождалъ бы еще часокъ...

Николай. Нельзя... И радъ бы да не могу...

Женщинна 2-я. Можетъ моихъ встретите, поклонъ передайте.

Николай. Увижу, буду кланяться....

Старуха. Слушай, Николай, ты ее больше тем храбростью то хвастай. Думай, што дома жена, да мать остались...

Николай. Ладно... Ладно... Да, совсем было забыл... (*достает из кармана деньги*). На, мамаша сороковку...

Старуха. Ишь-ты... где взял—то?..

Николай. (*Смеется*) Украл...

(Входит молодой рабочий).

Рабочий. Собрались все, Николай... Пойдем...

Николай. Сейчас иду.

Федор. (*Встает*) Знаешь, что, Николай... Я брат, тоже того... желаю, брат, революции послужить. Хочу с тобой...

Старуха. (*всплескивает руками*). Да, ты ошалел што ли?.. а?.. Ты не дойдешь, разнежишься...

Федор. Ничего не ошалел... Желаю... Я, не смотри, што стар... Себя покажу... (*Николаю*) Николай, возьмешь?.. А?..

Николай. (*Улыбаясь*) Побольше бы таких, как ты, дядя Федор... Пойдем, пойдем...

Федор. (*Радостно*) Ну, вот... Все же мне легче... за што сын, за то и я погибну... за революцию... для народа постараюсь...

Женщина 2-я (*качает головой*) Ай, да Федор!..

Анна (*замирает на груди мужа*) Милый... Милый... Прощай...

Старуха. Ну, присядьте...

Николай Это, еще зачем?..

Старуха. (*Сердито*) Примета такая... Присядьте и помолчите...

Женщина 2-я. Когда в дальнюю дорогу... всегда полагается.

Федор. (*Смеется*) Правильно... А наша дорога дальняя... Ух, какая дальняя!..

(Николай пожимает плечами, но не возражает больше. Садится и все остальные садятся. Молчание).

Николай. (*встает*) Ну ладно... Прощайте... (*подходит к матери и обнимает ее*).

Старуха. (*Крестит его*) Прощай...

Николай. (*досадливо*) Совсем это уж не к чему, мамаша!..

Старуха. Как это, тонусь материно благословенье не к чему!?.

(

В комнату входят одетые и в фуражках Рязанов и Степанов, за ними плачущие жены).

Рязанов. (*Николаю*) И мы... мы стобой ... Вомешь?.. Только вот оружия нет...

Федор. Молодцы... И я, братцы, тоже в'дь иду...

Степанов. Ну?..

Николай. Это вот по товарищески! (*пожимает им руки*). Об оружии не безпокойтесь... В райсе получите... Ну вдемте!.. (*берет винтовку*).

(Все кроме женщин выходят Женщины столпились у окна, смотрят на улицу. Через минуту раздается дружное пение марсельезы. Пение постепенно замирает).

Старуха. (*отходит в угол, опускается на колени крестится и шепчет*). Господи, порази гневом своим и немилостью оружию юнкеров...

(ЗАНАВЕС).

Сцена пятая

У БОЛЬШЕВИКОВ.

Действующие лица в V сцене.

Творогин. } Члены Воен. Револ. Комитета
Филер. } Городского Района.
Бобинский. }

Солдат.

Дежурный.

Анисимов, рабочий.

1. } Офицеры.
2. }

Володя — мальчик, работий.

Женщина.

Красногвардеец.

Прапорщик.

Рабочий.

Рабочие, солдаты, красногвардейцы.

Уже седьмой день длится борьба....

Бессонные ночи, беспрерывная и напряженная рабо
нервы развинчены, натянулись как струны. Кризис не с
дня-завтра наступит—и перелом близок. Надвигается са
грозный и критический момент.

Военно-Революционный Комитет Городского района.
вольно большой „отдельный кабинет“ в трактире Романова
Сухаревской площади... В кабинете беспорядок. На окна
двери полуободранные плюшевые драпировки. На первом п
не, по средине комнаты небольшой ломберный столик, за
ленный бумагами... В углу свалены, чем-то набитые меш
У стены небольшой диван, два кресла, табуреты. В дру
углу несколько винтовок... на полу обрывки бумаги...

Вечер 2 ноября...

При открытии занавеса в кресле, уронив голову на с
спит член Воен. Рево. Комитета, Филер...Он заснул над
сывая бумаги. В руке зажато перо... Рядом револьвер.
столе горит свеча. Два других члена Комитета Тверети
Бобинский спят, зажав в руках револьверы один на див
другой на мешках.

Неумолчная стрельба... Далекое уханье орудий...
товочные выстрелы.

Солдат. (*С винтовкой в руках стоит на*
(Филеру). Т...! . (*Трогает его за пле*
А, товарищ?!.

Филер. (*Вздрагивая поднимает голову,*
головка не держится от усталости и п
нится к столу. Он встряхивает ею, сил
отогнать сон. Наконец подпирает ее ру
и смотрит на солдата).. В чем дел?..

Солдат. (*Участливо качает головой*). Т
что мерзнешь, что в дождик. Вид
бовании вы хочешь подышать . Так, чт

Филер. (*Смотрит на солдата сонн*
ными глазами, силится понять)... Д...
ощ... подлец... (*голова опять клонится*
столу).

Солдат Товарищ!.. а товарищ!.. (*Опять т*
гает его за плечо). Товарищ... только пр
ти

Филер. (*Вздрагивает проводит рукой*
глазам, отгоняя сон, встает со стула и
дит по комнате взад и вперед). Ну теперь
чено... (*Силится улыбнуться*). Вы про тех,
верьщ... шестую ночь не сплю... устал.

Солдат. Чего тут!.. наше то дело ли мо вижу? А вы
чали было подшевелят. наши требования, да и того
зевуем...

Филер (*Смеется*). Чорт побьми! . Ничего
помню... Придется вам, товарищ, слова повторить.

перь на саду, буду ходить. А то сидеш, спать
ешь...

олдат. Так что я присла от Красных ворот, от
й роты...

рилер. Какого полка?..

олдат. Ростовского...

рилер. Ну, так в чем же дело? .

олдат. Патрон все у есть ночью... Ну значит
обещали дать и патроны и хлеба ..

рилер. Я обещал дать?!.. Не может быть!...
от задорных лиц).

олдат. Как же, товарищ, обещали!

рилер. Когда?...

олдат. Да вот тут сидели, перед тем как заснуть
бещали....

рилер. Вот чудак! Как же я мог обещать хлеба,
а его нет совсем?!.. Патроны?. по сколько же на
века обещал я дать?...

олдат. Этого мы не говорили... А только обещали ..

рилер. Вот что, товарищ, патрон я могу дать, но
ку на человека .. Больше не могу ..

олдат. Да ты мы товарищ! ..

рилер. (*Разводит руками*). Товарищ, вы у

гения не один. . Надо экономить.... Зря палить чего... Если кончится запас, где мы достанем?..

Солдат. У белогвардейцев... отымем...

Филер. Когда еще отымете!... Тоже, вот хле Где я возьму его?.. (*Задумывается*). Вот чт дам вместо хлеба кешек колбасы копченой..

Солдат. (*Улыбается*). Ладно... колбаса н нов хлеба...

Филер. Ну-ка, товарищ помогите мне... (*Он х ходит к мешкам, сложенным в углу, на торых спит Бобинский. Осторожно на лают с солдатом тащить мешок. Бобинс что-то бормочет, потом вскакивает как зумный и кричит во все горло, размах револьвером*).

Бобинский. Пос..с..то.р.рон..ись вон..я.!.—

Филер. Тише... Тише... Очухайся! (*Бобинс смотрит на него, не понимая, шата точно пьяный и не сказав ни слова, оп падает на мешки и мгновенно засыпает*. Тоже как и я, сколько ночей не спал!.. Ну, вс вот вам колбаса... Теперь патроны... (*Пишет записку*). Вот вам записка на патроны. (*Затем х ходит к двери и кричит*).—Ей, товарищ, журный!..

Дежурный. (*За сценой*). Слушаю...

Филер. Отпустите товарищу патроны по моей записке!..

Дежурный. Ладно!.. Пусай идё!..

Филер. Ну, счастлив, товарищ... Документик... *(показывает на мешок)*.

Солдат. На улице ять тварюгей ждут!... Ощти... *(уходит)*

(Филер подходит к Гвоздилу и пытается разбудит его)

Филер. Товарищ, Гвоздилин, проснись!.. *(трясет за плечо)* Ах, ну, ко пресвятой!..

Гвоздилин *(вскакивает и протирает глаза)* Что, это ты?!. Ну, что скверно?.. Дома и дети?..

Филер. Мало до того... За что убили... *(снимает с него удары прикладом пол)*.

Гвоздилин. Что-то ждут...

(Входит рабочий, в одной руке винтовка, в другой два револьвера).

Филер. А, это ты, Антип!.. Здравствуй...

Антипов. Здорово... *(пожимает руку Филеру и Гвоздилину)* А я вам несу такой гостинец...

Гвоздилин. Дай ка сюда...

(Антипов подходит к двери и распахивает портьеру).

Антипов. Входи офицер, потанцуем!..

(Входят два молодых офицера в форме).

Филэр. (*Анисимову*) Ты где их взял? (*кивает головой на офицеров*).

Анисимов. (*Усмехаясь*) На Б[illegible]... в[illegible] сиб, там ещё бульвары есть... Ну, знает[illegible] контроль почты. Ночи, когда позвонил, зош[illegible] сюда. Гляжу, они крадутся... Ну, я и того скомандовал Руки вверх!.. и отобрал вот эти револьверы... Б[illegible] единого выстрела...

Филэр. Ну-ка?..

Анисимов. (*продолжает смеяться*). К[illegible] меня ни одного патрона не было!.. ни!.. ни... Я и шел в конвое за патронами...

Офицеры беспокойно слушают и хмурят брови-им не по се

Тверетин. Х'... ла.. К[illegible] это так, гос[illegible] офицеры, в среде нашей?..

Офицер 1-ый. (*поэкспериментирует плечами*) Д[illegible] доказательство, самое глупое!..

Филэр. Вы куда прибыли?..

Офицер 1-ый. (*с большой готовностью*) Видите ли ну, собственно шли.. как он вам сказал собственно...

Офицер 2-й. (*прихобит на помощь*) В с[illegible] соседний дом...

Тверетин. Зачем?..

Офицер 1-ый. Так вообще... к знакомым.

Филер. (*усмехаясь*) Согласимся, господа, это, ... и ... Идем в знакомый, в не-вятельском районе?..

Творетин. (*строго*) Вот, что... Вы по ...ить и будьте спокойны... это буд... лучше ...я вас!..

...шины поспешные шаги. Вбегает запыхавшийся мальчик: рабочий, лет 16-ти).

Филер. Володя... в чем дело?..

Володя. (*тяжело дышит. Никак не может отдышаться*) Все... бежал... скорей... ведро... очень требуют... казаки...

Творетин. Где?!. Куда...

Володя. (*устало опускается на крыло*). ...ловек... Екатеринбургский цирк... Здорово врут... ф... ну и бежал же я...

Филер. Много казаков?..

Володя. Много...

Филер. (*Творетину*). Сколько у нас винтовок?..

Творетин. Сколько наберется...

Филер. Гнать, отдать сорок человек... нет... ...ческих!.. Да, крепкий попался... Не грубите... их проводишь, Володя.

Володя. Ладно.

Анисимов. Товарищ Филер, если я тебе не нужен и я с ними.

Филер. Иди...

(Мальчик, Тверегин и Анисимов выходят).

Офицер: Можно узнать, что нас ожидает?..

Филер. Прежде нежели ответить вам, расскажите, куда вы шли...

Офицер 2-й Видете—ли... Мы бы могли открыть вам... Впрочем если вы решили расстрелять нас, то тогда все равно... к чему говорит?!.

(Бобинский проснулся. Но не встает. Лежит и слушает).

Филер. (*усмехается*). Вы желаете торговаться?.. Ну что же, давайте, а там посмотрим! Что вы можете открыть?

Офицер 1-й. Дружину... боевую...

филер. Из кого она состоит?

Офицер 2-й. Из студентов, гимназистов и реалистов... Сорок человек.

Филер. Значит вы шли...

Офицер 1-й. Принят команду!..

Филер. Хорошо... Я вам даю слово, что вас не расстреляют...

Офицер 1-й. Но... гм...

Филер. Что ни вы мне не верить?.. Мы, не ни... Дайте слово вертать ужем.

Офицер 2-й. Может быть вы все таки немного задних пропуск...

Филер. (*пожимает плечами*) Ладно... (*подходит к столу и пишет пропуск*). Вот!..

(Один из офицеров берет).

(П а у з а).

(Со двора доносится трескотня мотора грузовика, пение Марсельезы, Филер подходит к окну и смотрит. Офицеры переглядываются между собой), а затем быстро начинают растегивать пальто... Один из них уже выхватил револьвер..

Бобинский (*оглядывая все время за ними, быстро вскакивает и ударом руки выбивает револьвер*). Не шевелись!.. Ни с места!.. (*в руке наготове револьвер*).

Филер. (*вздрагивает и оборачивается. Он сразу понял все, подбегает к столу и сжимает свой револьвер*. Так вот, что вы хотель?!. Ловко разыграно...

(Входит Творогин).

Творогин. Уехали... (*В недоумении*) Это-что такое?..

Бобинский Видишь... Ну—не даврй-ка общим молодчиков...

Офицеры стоят бледные, нахмуренные. Бобинский и Творетинов обыскивают их. У одного находят браунинг)

Филор. Как по нотам разыграл... Ну, а теперь, что нам расскажете?..

(Офицеры молчат)

Творетин. Значит Анисимов их не обыскивал... (*офицерам*) марш вперед!.. Чего тут разговаривать.

Офицеры. (*вместе*) Просите... Не расстреливайте!.. Мы дали слово... Господа... Пожалуста... Товарищи... Мы сознательные... Слово...

Филор. Вы сами себя приговорили... Вы нарушили присягу, будете расстреляны, но не за то, что вы офицеры, а за вашу подлость... Веди Творетин!..

Творетин. Марш!..

Офицеры. (*вместе*) Господа... Сжальтесь... Мы раскаиваемся... Даем слово... (*всхлипывают*)

Творетин. Вперед, вам говорят!..

(Офицеры выходят и некоторое время еще слышатся их мольбы и всхлипывания).

Бобинский. Ну, и мерзавцы!..

Филор. Нет, ведь как ловко придумали... Сколько подлости в них, столько же и трусости!..

(Слышим тяжелые шаги нескольких человек. Входят уже не молодой рабочий, и прапорщик, и женщина, одетая бедно под конвоем красногвардейца, Бобинский и Филор молча здороваются с рабочим и прапорщиком).

Филер. (*красногвардейцу*). Ну?..

Красногвардеец. Да вот она, там вашу прислала, пропусти, да проведи к самому главному... Спрашиваю чего надо, не говорит...

Филер. (*Женщине*). Вам что надо?..

Женщина. Мой—то... муж мой... вот уже какой день пропадает, против юнкеров сражается. А я с ребятами прямо с голода помираем... уж, вы, дайте бумажку, чтобы меня везде пускали...

Бобинский На что же вам пропуск?..

Женщина. Господи, боже мой, какой вы непонятливый!.. Пойти куда, к знакомым, занять что, наши эти самые, (*кивает на красногвардейца*) не пускают! Чтоже в самом деле помирать ребятам—то что ль?!. Волка ноги кормят...

(Раздается залп винтовок. Бобинский подходит к окну и смотрит).

Филер. (*подходит к столу и пишет пропуск.*). Вот, возмите!..

Женщина. Ну, вот... я знала, что получу... Как вас и благодарить то! (*Направляется с красногвардейцем к двери.*

Филер. Постойте... Хочу вашим ребятам гостинца послать!.. (*подходит к мешкам и достает большую связку колбасы*).

Женщина. Моим ребятам?!.

Филер. Да...

Немщина. (*Растерялось от радости*). Да это... Ох, збрешут-а!.. Ну и правдаки... Спасибо, господа товарищ... Век вас будем помнить. Спасибо... пошли, вам господи...

Красногвардеец. Пойдем... Пойдем...

(У х о д я т.)

Филер. (*Рабочему и солдату*). Как в нашем участке?.. Что-то вы невеселы?..

Прапорщик. Из чего быть веселыми—то.

Бобинский. Что же вы вдвоем бросили отряд?..

Филер. Как же вы оставили их одних?..

Рабочий. Нехорошо оставлять—то...

Филер. Что... о...о?!.

Прапорщик. (*Глухо*) Нет больше нашей роты...

Бобинский. (*испуганно*) Как?!. Почему?!.

Филер. Что случилось?.. Рассказать!..

Рабочий. А чего рассказывать-то. Нету и баста...

Бобинский. (*Кричит*) Не ври, что случилось!.. Вон, вас не пять человек, а целая рота...

Прапорщик. Не рассказывать... баста... мы тоже не виноватые...

Филер. Все таки повель!.. Ведь Комитет запретил вам без его ведома наступать!..

Прапорщик. Да что вы орете?!. Это и говорит не буду...

Бобинский. (*топает ногой*) Молчать!..Как вы смели нарушить приказ?!.

Рабочий. Да, ведь мы думали...

Филер. Не смели думать!.. Должны были подчиняться приказу... Вас расстреляют тут!.. Поймите, что мы как один человек должны действовать, а не вразброд!..

(Возмущенно ходит по комнате).

(П а у з а).

(Бобинский тяжело дышит. Прапорщик и рабочий стоят опустив головы).

Бобинский. Подлецы вы, а не революционеры!.. Погубят столько людей... Уф... Разорить вас!..

Филер. (*Успокоив голос*) Вот тут и думай что хочешь... (*садится за стол и обхватывает руками голову*). Не думали... а сами с провокацией кинулись... (*ударяет кулаком по столу*). Нет, тут что-нибудь скрывается!!.

Бобинский. Вы арестованы (*указывает на рабочего*). Не-ет лицо у вас что-то знакомое!.. Наверное, что-нибудь себе?!.

Прапорщик. Да что-то он и?!.

Филер. Комитет знал!.. у нас точные сведения были, только мы вам и запретили поступать... Вы должны были исполнить не рассуждая наш приказ.. (*Бобинскому*) Арестовать их!..

Бобинский. Оружие...

(Прапорщик и рабочий молча складывают на стол револьверы)

Филер. (*отвернувшись*) Запереть двери!.. Через час суд... (*Бобинский, рабочий и прапорщик уходят. Филер озабоченно ходит из угла в угол. Изредка останавливается у окна и слушает. Слышна винтовочная и пулеметная стрельба, но орудийных залпов не слышно... По временам какой-то тайной мысли опять останавливается и опять долго напряженно слушает.*

Большая пауза).

(Входят Творогин и Бобинский.

Творогин. Это уже... уже... до чего разнуздались... Да я бы без суда перевешал...

Бобинский. Ты думаешь только в нашем районе такие штуки выкидывают?.. Везде.. Даже старое,— бюллетеней-то не знаю, что у них висели.

Филер. (*устало опускается*) И все минутами... может быть это устало... не знаю.. но нам только надлежало и дело представить себе условия, при которых мы боремся... отвратимая такой ужас!.. Да, как?!. Как это мы думали до сих пор?!. Каким чудом?!. Мы дисциплина... мы сила между собой,

ни боевых снарядов... Под каждым нашим домом, Бы знаешь сколько мин!.. А где враг, мы не знаем, что делается в центре!.. Как он там? . В каком положении дело? ..

Творогин. Какое тут, к чорту, чудо!.. Мы ворвемся в свою избу и кончено.. Победим .. Да, победим!..

Филер. (*Подходит к окну и слушает*) Вы обратили внимание, что уж давно не слышно орудий? .

Бобинский (*махнув рукой*) А какое это имеет значение?..

Филер. (*тревожно*) Не случилось ли что... Может Совет...

Творогин. Ловись сам лучше!. Говорю, на тебя вся вот. От того тебе и мерещатся всякие страхи . . .

Бобинский. (*слушает у окна*) Я слышу дело, не слышу... Послойте, кажись по крыше, или нет, нет... Постойте. . Послойте! . Нет, решительно что-то случилось . . . или мне только мерещится Творогин, послушай ты...

(Все трое напряженно слушают).

Творогин. Ничего не слышу. .Только в ушах...

(Вбегает красногвардеец).

Красногвардеец. (*запыхавшись*) Там враг... много... Все. Где ?!. Где?!.

Красногвардеец. Со стороны... Спокойно...

Филер. На всякий случай осмотреть пулеметы... Пусть все приготовятся... (*Бобчинскому*) Пойди, распорядись...

(Бобчинский и красногвардеец уходят).

Творогин. Фу, чорт!.. Какие мы дураки... Да ведь окна можно открыть... (*Распахивает окно*)

(Большая пауза).

(Слышатся далекие винтовочные выстрелы и смутные крики С каждой минутой крики растут и приближаются.

Филер. Да ведь это марсельезу поют...Да...да...

Творогин. Постой... Постой!..

(П а у з а).

(Уже отчетливо слышно пение марсельезы и крики.

Творогин. Слышишь?.. Или я это только воображаю?..

Филер. (*Хватаясь за голову кричит истерически*) Революция победила!.. Мы победили!..мы!..

Творогин. (*Захлебываясь говорит*) Ясно... мы... наша... победа... революция... (*и выбегает из комнаты*).

Большая пауза.

(Филер прижался к косяку окна и бьется в истерических

рыданиях. В окно летят—и пение марсельезы и победные крики:-„Да здравствует Рабоче-крестьянская власть .. Рабочие победили!.. Мы победили!..

Потом слышатся шаги многих людей. В комнату вбегает сияющие радостью Бобинский, Анисимов, Трететин... за ними солдаты и красногвардейцы...

Бобинский. *(радостно).* Сдались на милость рабочих... Будем жить... Безоружают... Что ты?!. успокойся!.. Да—ти слушай!.. Я прочту . Да слушай же!..

(Филер старается сдержать себя).

Бобинский читает:

„Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, принят наши требования. Вся власть в руках Воен.—Революционного Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали вую власть в Москве. Это не окрасит завоеваний, новой, рабочей солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. В.-Р.в. Комитет призывает прекратить всякие военные действия. С прекращением военных действий войска Совета остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войсками не расходиться до особого приказа В. Рево. Комитета".

(За сценой победные крики).

Медленно падает занавес.

Цена 50 коп. (золот.)

склад издания:
КОНТОРА ГАЗЕТЫ
„СИБИРСКИЙ ГУДОК"
ОМСК ул. СИБОПС

г. Омск Типо Лит. Сибопса